

«Русский бестселлер! Подлинная история одного преступления»

Игорь Бондарь-Терещенко, «СНОБ»

ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА РАСПУТИНА

- Уникальные фото и материалы из закрытых архивов
- Прояснение всех мотивов преступления
- Имя убийцы

ОЛЕГ
ШИШКИН

ведущий программы «Загадки
человечества с Олегом Шишкиным»
на РЕН ТВ

Загадки истории с Олегом Шишкиным

Олег Шишкин

Последняя тайна Распутина

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шишкин О. А.

Последняя тайна Распутина / О. А. Шишкин — «Издательство АСТ», 2018 — (Загадки истории с Олегом Шишкиным)

ISBN 978-5-17-113158-6

Новое расследование Олега Шишкина основано на сенсационном «Деле об убийстве Распутина», которое было найдено автором в архиве Министерства юстиции Российской империи. Этот документ полностью переворачивает представления о покушении на царского фаворита. Шокирующие криминалистические подробности, неожиданные показания свидетелей и признания прокуроров, собранные в этой книге, сделают ее чтение поистине захватывающим.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113158-6

© Шишкин О. А., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Причина написания этой книги	7
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Шишкин

Последняя тайна Распутина

Издательство выражает благодарность *Алексею Нешину* за предоставление фотографии на обложку.

Олег Шишкин – ведущий авторской программы «Загадки человечества с Олегом Шишкиным» на РЕН-ТВ.

© Шишкин О. А., 2018 © А. Нешин, фото автора на обложке, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Причина написания этой книги

Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины.
Артур Конан Дойл

1.

В январе 2019 года – 150 лет со дня рождения Григория Распутина. В силу обстоятельств и личных качеств он оказался вовлечен в политические процессы на вершине русской власти и уже потому заслуживает внимания не только как феномен особого фаворита, но и как незаурядный, пусть и противоречивый, русский человек, имя которого известно всему миру. Однако эта книга – не его биография, а история его убийства и расследование преступления, доведенное мной до конца.

Тут будут рассматриваться события, вскрывшиеся благодаря обнаруженному делу, которое вел Первый департамент III уголовного отделения Министерства юстиции Российской империи. У этого конкретного сбора документов была локальная цель – стать разъяснением и начальной доказательной базой для всеподданнейшей записки царю, проектом которой и открывается папка. Поэтому в нее подшивались различные прокурорские представления, отчеты о допросах, мнения экспертов-криминалистов по делу об убийстве Распутина: ход следствия порождал особый юридический прецедент, который мог разрешить только монарх.

Подготовка всеподданнейших отчетов, всеподданнейших ходатайств и всеподданнейших записок входила в функцию Первого департамента Минюста, часто связанных с делами законодательного характера. Благодаря этому и появилось 751-е дело, которое выглядит как особая прокурорская отчетность с впечатляющим множеством фактов, которых мы не найдем, например, в полицейских документах по делу об убийстве Распутина.

Но, конечно, в конце 1916-го – начале 1917 года составлялось и главное прокурорское дело, которое велось Петроградской судебной палатой. Оно было более содержательным, обладало обширными уточнениями в показаниях свидетелей, включало вещественные доказательства. Считается, что оно не сохранилось, так как, возможно, было уничтожено 27 февраля 1917 года в ходе Февральской революции.

Но это всего лишь предположение.

Имелись различные неподтвержденные свидетельства, что дело еще до февральских событий затребовал себе Николай II и якобы уничтожил его в Царскосельском дворце как опасный документ. Однако это тоже одна из легенд, которые традиционно сопровождают тень Распутина.

О содержании основного прокурорского дела мы знаем из своеобразной стенограммы следователя Середы¹, записанной в дневнике великого князя Андрея Владимировича 15 февраля 1917 года. От прокурорского производства остался фотоальбом, который ныне хранится в Музее политической истории в Санкт-Петербурге. Видимо, в детали прокурорского расследования был посвящен и министр внутренних дел Протопопов, который и сам даже вел дознание силами своего министерства – Департамента полиции и охранного отделения.

¹ В. Н. Середа (1877–1920), русский юрист. На 1916 г. судебный следователь по важнейшим делам Петроградского окружного суда, участвовал в расследовании обстоятельств убийства Григория Распутина. После революции – сотрудник библиотеки Наркомпроса РСФСР.

Кроме того, монаршая чета действительно проводила и какое-то свое расследование, не предполагая его обнародовать. Но оно стало основой для некоторых важных внесудебных решений по делу.

Официальное расследование убийства Распутина длилось до отречения царя 2 марта 1917 года и закрылось в связи с падением Российской империи. Но оно же было и в центре внимания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, выискивавшей нарушения прежней власти начиная уже с 5 марта 1917 года.

Судьба основного прокурорского дела Распутина и сегодня остается загадочной. Оно как будто бы вынырнуло из небытия летом 1932 года. Тогда выходящая в Берлине газета *Темпо* сообщила о том, что известная и очень авторитетная немецкая антикварная фирма К. W. Hiersemann, обычно специализировавшаяся на покупке средневековых манускриптов и инкунабул, на этот раз приобрела свежую архивную сенсацию – следственное производство по делу об убийстве Распутина. Это был том, состоявший из 250 листов. В нем содержались протоколы допросов свидетелей, произведенных следователем Ставровским² и генералом полиции Поповым, а также заключения экспертов-криминалистов. В скупой «легенде» этого документа, которую решился разгласить покупатель, сообщалось, что дело было приобретено у одного из бывших придворных чиновников, эмигрировавших на Запад.

Небольшую статью о купленных фирмой К. W. Hiersemann документах, озаглавленную как «Следственные акты об убийстве Распутина», поместила на своих страницах выходящая в Париже эмигрантская газета «Последние новости»³.

Публикация имела сенсационные последствия. На нее из Чехословакии откликнулся следователь Завадский⁴, который в 1916 году начинал вести это дело: он сомневался в подлинности купленных документов. В своем обращении в газету «Последние новости» он писал: «Известие о покупке дела содержит указание на то, что допросы свидетелей производились следователем Ставровским и генералом Поповым. Но следствие об убийстве Распутина было возбуждено мною по должности прокурора петроградской судебной палаты, и предложение о том я дал судебному следователю по важнейшим делам петроградского окружного суда Середе (а не Ставровскому). В. Н. Середа производил и местный осмотр, и исследование крови, пропитавшей снег во дворе у дворца кн. Юсупова (по вопросу, человеческая она или, как утверждал кн. Юсупов, собачья), и допросы свидетелей, и вскрытие тела Распутина»⁵. Далее Завадский выражал свой скепсис относительно деталей легенды, сопровождавших появление документа. Юрист указывал: «Не придает достоверности известию и ссылка на то, что подлинное следственное дело вскорости исчезло. Я не отвергаю возможности истребования дела царем: я припоминаю, что еще при мне, как наблюдающем за предварительным следствием, была попытка управляющего министерства юстиции Добровольского взять дело к себе. Но исчезновение следствия просто может быть объяснено тем, что здание петербургского окружного суда было подожжено и сгорело 28 февраля 1917 г., а в здании находились камеры всех петроградских следователей. Таким образом, сообщение о нахождении у Гирземана в Лейп-

² В. Д. Ставровский (1869–1943), русский юрист, на 1916 г. – судебный следователь по особо важным делам Петроградского окружного суда, участвовал в расследовании обстоятельств убийства Григория Распутина. После революции эмигрировал.

³ Последние новости. 1932, № 4172.

⁴ С. В. Завадский (1871–1935), русский юрист и переводчик. На 1916 г. – прокурор Петроградской судебной палаты. С 17 по 19 декабря 1916 г. вел дело об убийстве Распутина. В 1917 г. сенатор при Временном правительстве, а также товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии, в 1918 г. державный секретарь (заместитель министра юстиции) в украинском правительстве Скоропадского, в 1919 г. – товарищ председателя Особой комиссии при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России по расследованию злодеяний большевиков. После 1921 г. в эмиграции.

⁵ Последние новости. 1932, № 4182. (Здесь и далее в цитатах сохраняется орфография источника. – Прим. авт.)

циге подлинного предварительного следствия по делу об убийстве Распутина требует еще тщательной проверки»⁶.

Ответ редактора был быстрым и жестким: «Свои сомнения в подлинности распутинского дела г. Завадский строит на утверждении, что в бытность его в должности прокурора судебной палаты (до января 1917 года), он „никому не передавал дальнейшего производства следствия, которое там и осталось в руках следователя В. Н. Середы“.

Увы, это утверждение г-на Завадского совершенно не соответствует действительности. В имеющейся у меня копии описи (снятой лично мной) „бумаг, находящихся в деле № 11-1917 года об убийстве Г. Е. Распутина“ за №№ 27 и 28 (стр. 66 и 67) значатся следующие акты: „Предложение прокурора суда о принятии дела Распутина от следователя Середы следователем Ставровским“ и „такое же предложение на имя следователя Ставровского“. Таким образом, ведение этого дела судебным след. Середой было закончено на допросе Ф. К. Кузьмина⁷ (№ 26 стр. 65 и об.). Все же дальнейшее делопроизводство вплоть до акта за № 92 велось уже след. Ставровским»⁸.

Разъяснение оказалось убедительным и компетентным. А финал редакторского заявления обнадеживал читателей «Последних новостей»: «Актами по делу об убийстве Распутина заинтересовалось известное берлинское издательство Улынтайна, командировавшее сюда быв. редактора газ. „Руль“ И. В. Гессена. И. В. Гессен признал акты подлинными»⁹.

Казалось бы, подписчиков ждал захватывающий детектив с важными криминалистическими подробностями, такая публикация станет мировой сенсацией, и уж точно будет сказано, кто же убил Распутина и почему его смерть окружает ореол таинственности.

Однако, несмотря на оптимистический финал ответа, публикации документов не последовало. Судьба купленного антикварной фирмой K. W. Hiersemann следственного дела и сегодня остается неясной.

Что же случилось и почему, несмотря на все заверения о подлинности, важные исторические документы остались в хранилище компании, так и не увидев свет? Стали ли они предметом вложения средств для будущего представления на антикварном аукционе, были ли перепроданы без шумихи или исчезли в период катастрофических событий, произошедших в последние годы нацистской Германии?

Это вопрос открытый.

Но... один из документов, который первоначально должен был находиться среди «Следственных актов об убийстве Распутина», *не исчезнувший и не попавший к K. W. Hiersemann*, будет процитирован в этой книге. И в нем содержится ответ на вопрос, откуда немецкий антиквар мог получить сенсационные бумаги.

2.

Обычно документы, которые приводятся в связи с делом об убийстве Распутина, являются допросами полицейских, проводившимися в рамках дознания МВД. Часть этих материалов впервые была опубликована в первом номере журнала «Былое» в 1917 году. Но инспекторское дознание и прокурорское расследование имеют разные цели и, как будет видно в дальнейшем, разную содержательность.

⁶ Последние новости. 1932, № 4182.

⁷ Проходивший по делу в качестве свидетеля полицейский Федор Кузьмич Кузьмин, обнаруживший на Петровском мосту кровь и калошу Распутина.

⁸ Последние новости. 1932, № 4187.

⁹ Последние новости. 1932, № 4187.

«Дело № 751» могло бы исчезнуть, как и «Дело № 11» Петроградской судебной палаты. Но за три дня до Октябрьской революции оно попало на один из архивных стеллажей и затерялось во флигелях Министерства юстиции на Итальянской, 25... И сохранилось до наших дней!

Эти документы проливают свет как на обстоятельства громкого политического убийства, так и на исторические легенды России, связанные с фигурой легендарного старца. Исчерпывающий материал резонансного дела позволяет увидеть особенные детали преступления и факты, которые можно теперь считать установленными.

Возникает вопрос: почему же это дело искали так долго? Ответ на него прост: надо представить себе поистине эпический масштаб судебного делопроизводства в России, и тогда путь к 57-й описи 124-го фонда Министерства юстиции Российской империи не покажется коротким. Хотя важно и то, что с момента публикации предыдущей моей книги о Распутине я побывал и на его родине, в селе Покровском, в Тюмени, был и в Тобольске, посетил квартиру на Гороховой, 64, в Петербурге, побывал в Иерусалиме, куда дважды приходил Григорий Ефимович, и, наконец, оказался в Лондоне, городе, имевшем определенное отношение к его судьбе.

Эта книга обобщает, исправляет и существенно уточняет то, что ранее написано мной на эту тему¹⁰.

В задачу книги не входит оценка личности Распутина. Текст посвящен истории убийства и следствию вокруг него. В книге вы найдете факсимиле материалов из 751-го дела и важных для этого повествования документов, исторические и криминалистические фото.

В заключение хочу поблагодарить Модеста Колерова, который в ранний период поддерживал меня и давал ценные подсказки, и сотрудницу ГАРФ Александру Ивановну Цветкову.

Не менее значимым для меня явилось и знакомство с главным хранителем Юсуповского дворца в Санкт-Петербурге Ольгой Валентиновной Уточкиной. Ее ценные советы, указания на те или иные материалы и наши споры сыграли важную роль в подготовке текста.

Отдельную благодарность я выражаю Александру Викторовичу Знатнову, человеку, необычайно осведомленному в тонкостях русской истории начала XX века.

Я очень признателен и Светлане Андреевне Хода-ковской, главному хранителю Музея политической истории России, за понимание оперативности.

Я благодарю также:

Александра Колпакиди – одного из самых эрудированных историков русских спецслужб; Евгения Матонина, писателя и балканиста, за некоторые важные частности;

моих тюменских друзей Настю Романову и Андрея Пантелеева за их поддержку во время моей поездки в Покровское, Тобольск и Тюмень;

хозяина квартиры Распутина в Санкт-Петербурге Дмитрия Филатова за обстоятельную экскурсию на Гороховой, 64;

хозяйку музея Распутина в Покровском Марину Юрьевну Смирнову за бережное и эмоциональное отношение к истории;

Михаила Карминского за его хлопоты и наши поездки в родовые замки Гессенской династии в Дармштадте и Кронберге;

Наташу Зазулину-Музыкантскую за советы, уточнения и консультации;

а также сотрудников читального зала ГАРФ и лично Алексея Трефахина;

и всех, кто помогал мне установить истину.

¹⁰ Олег Шишкин. Убить Распутина. М., 2000; Олег Шишкин. Распутин. История преступления. М., 2004.

Глава 1

Преддверие события: гибель сверхчеловека

1.

Если, находясь в Лондоне, войти в главный храм Британии – собор Святого Павла, то слева от входа можно заметить пространство, доступ в которое преграждает решетка. За ней во внутренней ротонде виден склеп. Это мемориальная часовня Всех душ праведных. В ней находится могила британского фельдмаршала, военного министра, графа Хартумского – лорда Горация Герберта Китченера.

Надгробие из белого мрамора изображает почившего полководца при полном параде, с регалиями, в аксельбантах и ботфортах. Его лицо лишь чуть повернуто в сторону посетителей, которые разглядывают эту пиету через решетку. Скульптор Уильям Рид Дик изваял идеализированный образ рыцаря Британской империи, сурового и верного воина на службе нации. Этому образу вполне подходили слова, сказанные о нем Артуром Конан Дойлем: «...он оставил о себе обширную и всеобъемлющую память, появившись стремительно и шествуя величаво, его могущественный дух смог отпечатать впечатляющие следы своего земного пути»¹¹.

Основные погребения национального пантеона Британии находятся в крипте под алтарем и центральным нефом собора Святого Павла. Там лежат те, с кем Британия ассоциируется и сегодня: адмирал Нельсон, маршал Веллингтон, живописец Рейнольдс, поэт Джон Донн, британский разведчик Лоуренс Аравийский. Там погребен даже скульптор Уильям Рид Дик, автор беломраморного надгробия фельдмаршала.

Однако для Китченера выделили место при дверях, и миновать его невозможно. Это неслучайно: военный был особой фигурой.

В годы Первой мировой войны харизматичный полководец стал для многих англичан символом непреклонной воли к победе. Его даже изобразили на агитационном плакате «Ты нужен своей стране», призывавшем к национальной мобилизации.

Но прославился Китченер подвигами, сегодня вызывающими оторопь и шок. Командуя колониальными войсками в Судане во время битвы при Омдурмане, он впервые применил пулеметы «Максим» и в этом бою истребил 11 тысяч арабов. Причем не только на поле боя. Молодой Уинстон Черчилль даже писал своей матери в Лондон, что эта победа была «опозорена бесчеловечным убийством раненых, и... за это отвечает Китченер»¹². Это его приказом столица Судана была сметена огнем палубной артиллерии английских канонерок. Тогда погибли десятки тысяч мирных жителей. Даже мавзолей главы восставших, Мухаммада Ахмада аль-Махди, был разрушен по воле Китченера, прах лидера сожгли в паровозной топке и развеяли над пустыней. От скелета суданского вождя Китченер отделил череп и привез его в Лондон в емкости с керосином как свой личный трофей, который продемонстрировал публично.

Во время англо-бурской войны в Южной Африке лорду принадлежала сомнительная честь создания первых концентрационных лагерей для гражданского населения, где умирали от истощения взрослые и дети.

Жесткость в решениях, в том числе и при расстрелах даже собственных, английских солдат, провинившихся перед ним или армией, создали Китченеру славу эффективного военного

¹¹ Financial Times, 7 November, 2014.

¹² Urban, Mark (2005). *Generals: Ten British Generals Who Changed the World*. London. P. 193–194.

и репутацию человека, способного буквально на все. Он стал идеальным героем колониальных войн, мстительным, беспощадным рыцарем королевства и политическим архитектором Британской империи. По меркам того времени его карьеру можно было бы назвать безупречной: государственной машине требовался такой сверхчеловек.

С началом Первой мировой войны Китченер получил самое важное назначение в своей карьере: пост военного секретаря в правительстве Великобритании. Историк Джереми Паксман пишет: «Он быстро стал в Первой мировой войне тем, чем Уинстон Черчилль позже будет во Второй мировой войне»¹³.

Однако 1915 год оказался для графа неудачным: на Китченера возложили ответственность за операцию союзников в Дарданеллах.

2.

«Ценность результата оправдывает большие потери», – сообщал Черчилль 3 января 1915 года в телеграмме к адмиралу Кардэну, планируя десантную операцию в проливе Дарданеллы. Но эта идея командующего флотом не вдохновила. Адмирал заявил, что с ходу взять Дарданеллы невозможно.

Но почему именно этот пролив был избран для смелой, если не сказать безрассудной, баталии? Ответ прост: существовали особые секретные договоренности о том, что в случае победоносного завершения войны союзными державами Константинополь и Дарданеллы отойдут Российской империи. Это был призовой трофей для русских союзников.

13 января 1915 года на заседании Военного совета Черчилль представил свой проект десанта в турецких проливах. Итогом совещания стала директива с поручением Адмиралтейству подготовить военную экспедицию. По плану уже в феврале, после бомбардировки полуострова Галлиполи, с кораблей должен был высадиться десант и начать наступление на Константинополь. Но военный министр Китченер сообщил, что не даст сухопутных войск для проведения операции. Давление на Китченера усилилось, и к февралю он изменил свою позицию.

И вот 19 февраля «Таймс» сообщила об успехе артиллерийских обстрелов бастионов противника. Казалось, теперь победа будет достигнута.

Но хотя турецкие укрепления и были разрушены, захвачены они не были. А немецкий генерал Лиман фон Сандерс, руководивший обороной турок, дал жестокий отпор десанту англичан. Потеряв половину контингента, британцы сумели удержать лишь крохотную оконечность полуострова Галлиполи, где скоро было сконцентрировано 100 тысяч солдат армии союзников. Доставка в этот район снаряжения и продовольствия была затруднена: три корабля подорвались на минах и потонули, четыре получили серьезные повреждения. В целом потери на полуострове составили 43 тысячи человек убитыми, пленными и пропавшими без вести. А вскоре десант англичан был сброшен в море. Ужасный, удручающий провал состоялся.

Специальная королевская комиссия, состоявшая из членов британского парламента, обвинила в катастрофе при Дарданеллах не только премьера Асквита и главу Адмиралтейства Черчилля, но и лорда Китченера.

Из череды поражений Англии и ее союзницы Франции вытекала нехитрая истина: надежда была только на огромный человеческий ресурс союзной России и русское терпение. И хотя «царь просил о новых поставках оружия и взрывчатых веществ, Великобритания волновалась, будет ли у России, которая несла огромные жертвы, желание выдержать до конца войны»¹⁴.

¹³ Financial Times, 7 November, 2014.

¹⁴ Financial Times, 7 November, 2014.

Главными противниками войны в России англичане считали царицу Александру Федоровну и императорского фаворита Григория Распутина. В секретной переписке для обозначения тандема английская разведка использовала эвфемизмы «темные силы» или даже «адские силы».

13 мая 1916 года Китченер получил от российского посольства официальное приглашение Николая II посетить Россию. Он выразил согласие на эту поездку и сообщил русскому дипломату, что должен прежде выслушать мнение короля и премьер-министра. Ответ был скорее церемонией: этого приглашения ждали.

Канцлер казначейства Реджинальд Маккенна предложил Китченеру особую миссию в Россию: обсудить с царем нехватку боеприпасов, тяготы войны и дальнейшую стратегию.

Британский разведчик Брюс Локкарт писал о позиции англичан в этом вопросе: «...если бы царь встретился лицом к лицу с Китченером, война приняла бы другой оборот»¹⁵.

Предполагалось, что во время разговора возникнет тема влияния на Николая II императрицы Александры Федоровны и Григория Распутина. И вот тогда сверхчеловек Китченер подчинит русского монарха своей воле, заставит вспомнить о слове чести, которое тот дал 20 июля 1914 года, в день объявления войны, с балкона Зимнего дворца: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей».

Король Георг V и члены кабинета, уполномочившие Китченера, прекрасно понимали, что исход боев на фронте решался теперь не в генеральных штабах союзников и даже не в штаб-квартире русской армии в Могилеве, а в петроградских особняках, в великокняжеских будуарах и салонах русской знати – там разворачивалась невидимая война разведок, тайных обществ, авантюристов, интриганов и революционных радикалов. И чем дольше продолжались неудачные баталии на фронте, тем энергичнее действовали рыцари плаща и кинжала. При такой подковой схватке дозволялись самые жесткие средства. Их оправдывала одна-единственная цель: как можно дольше удерживать Россию от заключения мира с Германией.

Вот почему уже невозможно было откладывать путешествие важной персоны.

1 июня Китченеру пришлось встретиться с 200 членами парламента, чтобы объяснить им перспективы войны. В конце выступления его приветствовали овациями. Но произошло это в тот момент, когда стали поступать первые сообщения о тяжелейшем поражении британского флота в проливе Скагеррак и о 6097 моряках, погибших в сражении с немецким флотом.

Тем же вечером Китченер отправился на аудиенцию к королю Георгу V в Букингемский дворец, а затем посетил на Даунинг-стрит премьера Асквита: сверхчеловек получал последние наставления и инструкции.

Ночью 4 июня 1916 года с вокзала Кинг-Кросс в персональном вагоне Китченер тайно выезжает в порт Скрабстер. А на следующий день на эскадренном миноносце «Оук» выходит на главную базу ВМФ в Скапа-Флоу.

Огромный охраняемый залив у Оркнейских островов служил естественным убежищем для большей части английского флота, пострадавшего в Ютландской битве. Результат этой военно-морской катастрофы лорд увидел своими глазами: в доках стояли потрепанные немцами корабли.

В Скапа-Флоу Китченер пересел на крейсер «Гемпшир», чтобы отправиться в Архангельск. Предполагалось, что из русского порта британская миссия на поезде поедет в Петроград, а корабль останется ждать возвращения делегации.

Следует сказать, что во время войны существовал и совершенно безопасный способ сообщения с Россией. Английские дипломаты, разведчики и коммерсанты просто переправлялись на пароходных паромах Швеции и Норвегии в Христианию или Гетеборг, а оттуда через Фин-

¹⁵ Р. Г. Локкарт. История изнутри. М., 1991. С. 142.

ляндию прибывали на поезде прямо в Петроград. Но визит Китченера должен был быть официальной демонстрацией британской решимости.

Капитан крейсера «Гемпшир» имел жесткое указание не следовать обычным маршрутом в Россию через Северное море. Обогнув Оркнейские острова, он должен был идти через Норвежское море максимально близко к полюсу. Тогда же, 5 июня, прямо перед выходом в море британский радиоперехват получил сообщение о действиях немецкой подводной лодки U-75 в районе предполагаемого движения крейсера и предупредил об этом Адмиралтейство. Было и еще одно роковое ограничение: из Лондона сообщали о штормовом предупреждении в 9 баллов и предлагали переждать бурю¹⁶.

Тревожный прогноз был проигнорирован.

В момент отправления крейсера «Гемпшир» из порта, как и предупреждали синоптики, на море действительно разыгрался 9-балльный шторм. И тем не менее крейсер покинул бухту. Он вышел в море в сопровождении эсминцев «Единство» и «Виктория». Спустя пятьдесят минут оба судна получили приказ возвращаться в гавань. Дальше крейсер ушел один.

Подчиняясь инструкции, корабль набрал 18 узлов, что помогло бы опередить немецкие подводные лодки, если бы они начали преследование и торпедирование. Ветер к этому моменту уже дул навстречу крейсеру. Надо себе представить, какой была качка в таких условиях!

Пытаясь уйти от шквалов, капитан, в нарушение инструкции, сдвинулся по курсу, намереваясь укрыться за Оркнейскими островами: казалось, там море будет тише. Его предположения оправдались. Однако опасность такого маршрута стала максимальной. Ведь именно о ней и предупреждала британская разведка, ссылаясь на радиоперехват вражеских сообщений.

И когда в 19:45 раздался удар рынды, созывавший команду к ужину, крейсер налетел на немецкую мину. Взорвался один из паровых котлов. Радист успел передать сигнал SOS. Но судно затонуло в течение 15 минут.

Беспомощными свидетелями катастрофы оказались наблюдатели береговой артиллерии. Что они могли сделать? Из всех пассажиров спаслись только двенадцать человек. Очевидцы рассказывали, будто бы видели, как Китченер твердо стоял на палубе, пока крейсер погружался в воды холодного моря. Но это была красивая легенда: на судне в момент гибели царил паника.

Миссия лорда была завершена. А тело его так и не было найдено! Так что плита в соборе Святого Павла – это кенотаф, символическая памятная могила пропавшему без вести сверхчеловеку.

Символично, что в день гибели британского ястреба в Лондоне перед судом предстал знаменитый ученый и философ Бертран Рассел. Он выступал как пацифист и яростный противник войны. На процессе ученый был оштрафован на сто фунтов за отказ от военной службы. Его библиотека была конфискована, а ему закрыли выезд за пределы страны. Другой британский пацифист, Клиффорд Аллен, писал в те дни, что чем дальше откладывается мир, тем сильнее горечь войны¹⁷.

Их голоса услышаны не были.

3.

В начале Первой мировой войны Великобритания располагала двумя разведывательными службами – отделом военно-морской разведки и сетью Интеллидженс сервис. Военно-морская разведка обладала серьезными материальными ресурсами и была более динамична. Ее задачей было оказание информационной поддержки флоту.

¹⁶ George H. Cassar, Kitchener, Architect of Victory. London, 1977. P. 476.

¹⁷ М. Гилберт. Первая мировая война. М., 2016. С. 213.

Но во Франции находился сухопутный экспедиционный корпус британских войск, которому требовалась надежная разведывательная информация. И, кроме того, остро встал вопрос об активных действиях против немцев на территории союзников и нейтральных государств. С этой целью в конце 1915 года лорд Китченер провел реорганизацию и создал директорат военной разведки. Так Интеллидженс сервис стал одним из подразделений нового департамента Военного министерства и получил название МИ-6.

В страны «изучения» отправились сотрудники, знающие язык и национальные особенности союзников. В столицах нейтральных стран – в Копенгагене, Стокгольме и Берне – отслеживалась жизнь вокруг немецких посольств.

Несмотря на некоторые успехи, гибель «Гемпшира» представлялась очевидным провалом британских спецслужб.

Худшие опасения мучают в таком случае шефа любой разведки: секретная информация, возможно, была известна врагу. Где же образовалась брешь? Кто погубил лорда Китченера? Случайная немецкая мина или все же несчастное ее размещение на пути тайной миссии?

В британском государственном аппарате и обществе шок от гибели Китченера породил многочисленные теории заговоров и обвинения. Даже на Лондонской фондовой бирже говорили, что смерть Китченера – это дело шпионов.

Существовали предположения, что капитан немецкой подлодки заранее был осведомлен о дате отплытия крейсера и дежурил у Оркнейских островов для постановки мин или торпедирования.

Несомненно, в те дни была выдвинута не одна версия. Истина помогла бы восстановить структуру заговора и выстроить логические цепочки, раскручивая назад ход событий от роковой точки у Оркнейских островов, где погиб «Гемпшир», до европейских столиц: возможно, там скрывался виновник смерти национального героя Англии?

Сегодня мы знаем, что в конце мая 1916 года, буквально за несколько дней до отплытия «Гемпшира», с немецкой подводной лодки U-75 были установлены мины, одна из которых и потопила английский крейсер. Но ведь именно об этом трижды предупреждал британский радиоперехват, о чем свидетельствуют британские архивы¹⁸.

Однако одержимым жаждой мести сотрудникам спецслужб виделся таинственный мрачный гений, Мистер Зло, игравший с англичанами в кровавую игру.

В таких случаях сложно сказать, где заканчивается холодная логика расследования контрразведки и начинается горячка общественной паранойи, навязчивый бред и мания преследования.

И все-таки в этой истории и сейчас имеются темные пятна. Хотя многие исследователи скептически смотрят на различные теории заговоров, связанные с гибелью Китченера и крейсера «Гемпшир», несколько дел, касающихся полководца, все еще находятся в Национальном архиве Великобритании на секретном хранении и останутся там до 2025 года¹⁹.

4.

Как только известие о гибели «Гемпшира» поступило в Царское Село, о нем тут же узнала хозяйка дворцового госпиталя императрица Александра Федоровна. Этим известием она поделилась с Распутиным, а затем сообщила о его реакции императору в письме, направленном в Ставку в Могилеве: «По мнению нашего Друга, для нас хорошо, что Китченер погиб, так как позже он мог бы причинить вред России»; «нет беды в том, что вместе с ним погибли его

¹⁸ National Archives ADM137/4105.

¹⁹ Financial Times, 7 November, 2014.

бумаги. Видишь ли, Его всегда страшит Англия, какой она будет по окончании войны, когда начнутся мирные переговоры»²⁰.

Распутин, видимо, знал, что за бумаги находились у англичанина. Может, это были сведения и документы, собранные британской резидентурой в Петрограде?

Позднее Феликс Юсупов выскажется: «Я имею некоторые основания полагать, что Германия из этого источника узнала о дате отплытия лорда Китченера, корабль которого был торпедирован 6 июня²¹ 1916 года, когда он направлялся в Россию с поручением принудить императора удалить Распутина и устранить императрицу от власти»²².

Феликс Юсупов намекает, что якобы знал многое, что было известно и Китченеру, чье мраморное лицо таинственно улыбается в усы с надгробья в соборе Святого Павла в Лондоне. Делая такое заявление, русский князь выражал взгляд английских спецслужб, уверенных буквально до паранойи, что именно Распутин погубил фельдмаршала. Никаких доказательств этому, кроме интуиции английской разведки, не существует и по сей день. Может быть, они имеются в секретных фондах британских архивов?

Но «некоторые основания», о которых говорит Юсупов, привели к тому, что случилось в середине декабря 1916 года в Петрограде и что до сих пор окружено таинственными тенями и деталями. Попробуем их раскрыть. Без этого нам не понять смысл убийства Григория Распутина.

²⁰ Письмо из Царского Села от 5 июня (ст. стиля) 1916 г. – Переписка Николая и Александры Романовых, т. 4. М. – Л., 1926, с. 280.

²¹ Так в тексте. На самом деле 5 июня.

²² Dimanche, 1936, 7 aout.

Глава 2

Преддверие события: особенности личности жертвы

1.

Обложка этого дела имеет бумажную наклейку – «Центральный государственный исторический архив МВД СССР в Москве». Так когда-то назывался Государственный архив Российской Федерации, где находится этот документ сегодня. Тут же стоит дата начала дела: «20/IX 1917 года» – это момент, когда дело было сброшюровано и положено на полку архива.

Первый лист прокурорского дела «Об убийстве Распутина» открывается строками из «Проекта всеподданнейшей записки по Третьему уголовному отделению». Этот документ был адресован императору, так как будущий процесс обещал быть максимально резонансным, и в нем могли фигурировать ближайшие родственники царя. И в общем-то цель дела № 751 заключалась в том, чтобы представить царю лично первые данные расследования, собранные в документе. На первой странице мы видим автограф начальника Третьего уголовного отделения Оссовского, помечающего, что сам проект всеподданнейшей записки готовился 21–25 февраля 1917 года.

В своих мемуарах глава сыскной полиции Российской империи Аркадий Францевич Кошко разъясняет положение с этим резонансным делом: «...на совещании у министра было решено направить все производство на высочайшее усмотрение, что, однако, не было выполнено до февральского переворота»²³.

Последняя дата на странице «25/Н» означает время второй редакции документа, и, видимо, доклад лег бы на стол Николая II, если бы 3 марта тот прибыл в Петроград. Но начиная с 21 февраля в столице уже шло восстание, переросшее в Февральскую революцию. А в день предположительного вручения «Всеподданнейшей записки по Третьему уголовному отделению» царь отрекается от престола.

Но тем не менее заглянем в этот важный документ. В нем сообщаются подробности дела, потрясшего всю Россию: «Утром 17 декабря 1916 года полицейскими властями г. Петрограда были получены сведения об исчезновении проживающего в столице крестьянина Тобольской губернии, Тюменского уезда Покровской волости, села Покровского Григория Ефимова Распутина, он же Новых»²⁴.

Декабрьской датой отмерен срок жизни человека, породившего как множество легенд, так и весьма достоверных событий, повлиявших на национальную и мировую историю.

В Российской империи документальный материал о Распутине собирался в основном в особом отделе Департамента полиции и его разнообразных подразделениях, связанных с государственной безопасностью.

В охранном отделении хранились целые библиотеки блокнотов сыщиков с описанием передвижения и манер Распутина. Более того, его биография, начиная с 1912 года, скрупулезно протоколировалась буквально по часам, собирались различные сведения как о настоящем, так и о прошлом, создавалась плотная биохроника Распутина, не уступающая ныне существующей биохронике Ленина.

²³ А. Ф. Кошко. Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника Московской сыскной полиции и заведывающего всем уголовным розыском Империи. Том 2. Париж, 1929. С. 133.

²⁴ ГАРФ, Ф. 124, Оп. 57. Д. 751. Л. 1.

При этом надо отметить, что анкетные данные Распутина, связанные с рождением и местом жительства, мало чем отличались от анкетных данных миллиона русских мужиков, уроженцев Сибири.

Будущий фаворит родился 9 (21) января 1869 года в Покровской слободе Тюменского уезда Тобольской губернии в крестьянской семье.

Покровское – это большое село на самой длинной русской дороге, называвшейся как тогда, так и сейчас Сибирским трактом. Вела она в Восточную Сибирь и далекий Китай, откуда привозились в Россию дорогие товары: чай, фарфор, шелк и прочее. Немудрено, что здесь процветали извоз и все, что было связано с его обслуживанием.

По этой же дороге в Тобольскую пересыльную тюрьму ходили колонны каторжников. Прошли здесь и декабристы, и писатель Федор Достоевский. Впрочем, и богомольцы со всей России проходили через большое сибирское село, когда отправлялись по святым местам в Верхотурский или Абалакский монастыри.

Прямо перед домом Распутиных происходила перепряжка лошадей и всегда слышалась ямщицкая речь во время кропотливой и отлаженной путевой процедуры. Но Покровское было знаменито и другим путем – водным. Тут в дни навигации по Туре шли корабли к Тюмени или к Тоболу, и лоцманы брали деньги за проведение по сложному фарватеру. В Покровском они строили представительные дома. Потом один из таких домов купит Григорий Ефимович.

Я был в этом сибирском селе осенью 2017 года. Ранняя октябрьская пурга навалила сугробы у избы, где когда-то стоял дом Распутина. Он был снесен по прихоти советской власти после того, как в 1979 году здесь побывала группа Boney M, под предлогом, что в 1980-м, олимпийском году, сюда могли приехать не только артисты, но и нежелательные иностранные гости.

Напротив места, где был дом Распутина, сегодня стоит частный музей, посвященный экстраординарному человеку русской истории. Пожалуй, единственная ныне примета его существования в этих краях.

Как признается Распутин в своей пространной биографии, с 15 до 28 лет он страдал энурезом и бессонницей. От этих хворей его будто бы излечил Симеон Праведный Верхотурский. А первым монастырем, куда совершил свое богомолье будущий душеспаситель царской семьи, был Абалакский мужской монастырь, что на Иртыше, в 40 километрах от Тобольска. Что искал в монастырях Григорий? Возможно, какого-то отдохновения, ведь он два года был послушником и едва не стал монахом. Неразборчивая пресса потом часто называла его мрачным, а то и безумным монахом, а сам Григорий давал для этого повод, фотографируясь в эффектном укороченном подряснике из черного шелка.

В своих поисках Распутин не раз уходил в паломничество в Киево-Печерскую лавру, а потом даже и в Палестину, и на Афон.

Сухой, высокий, бородатый, с гипнотическим взглядом, таким он предстает на растиражированных фотографиях.

Но этот узнаваемый образ возник позднее. А поначалу, когда Григорий Распутин пришел в Петербург и остановился в убогой монастырской гостинице, он был неотличим от многих других русских богомольцев. К подобным бродягам православная церковь относилась с подозрением, считая их скрытыми членами сект, а то и законспирированными раскольниками. Таких было много на Севере и в укромных таежных скитах Сибири, откуда те совершали паломничества по святым обителям России.

Полностью отказавшись от дома и собственности, они отправлялись в вечное путешествие по Руси и у простых людей часто могли рассчитывать на подаяние и ночлег. Таким был Лука из пьесы Горького «На дне», таким мог показаться и Распутин, который во время своих странствий слышал пророков различных раскольничьих толков, живших в городах и еще больше в лесах по всей многострадальной Руси. Несмотря на огульные обвинения его в

хлыстовстве и всевозможные исследования о его раскольниковстве, одним из которых является труд Ипполита Гофштеттера²⁵, Распутин остался традиционно православным, хотя, по-видимому, имел представление о старообрядческих толках.

В патриархальной России, которую исходил вдоль и поперек Григорий Распутин, культ царя-батюшки был непререкаем. Он зиждился на вере в то, что в момент миропомазания, сразу после Духова дня, когда, по преданию, Мать – Сыра Земля раскрывает свои тайны, у святых врат Успенского собора новый монарх – то есть царь земной – встречает Царя небесного, Повелителя этого мира и всех последующих, вечно торжествующего светоча христианства. Это был почти священный канон русского народа, духовно сформулированный еще во времена Ивана Грозного и Иерусалима Небесного, которого первый царь истово чаял.

На знаменитом полотне Ильи Репина 1884 года «Прием волостных старшин Александром III во дворе Петровского дворца» изображен момент идиллического союза царя и народа. И кажется, что эта встреча крестьянских старшин, прибывших со всех концов страны, и монарха является не только воплощением государственного монолита, но и прямоты и доступности главы государства, открытого для встреч, прошений и бесед с простым человеком. Нечто подобное мы можем увидеть и в коронационных альбомах XIX века, когда в дни торжеств новые император и императрица принимали в Андреевском тронном зале Большого Кремлевского дворца поздравления подданных. Со всех концов России шли к ним представители всех национальностей, сословий и вероисповеданий. Это был обряд взаимного знакомства монаршей четы с народом.

В действительности же путь к ступеням царского дворца для русского крестьянина был невозможен.

Государственная пирамида Российской империи зиждилась на жестких сословных и полицейских препонах. Последние были оправданы убийством Александра II и многочисленными покушениями революционеров на Александра III.

Но как простой человек, сын грузчика, житель провинциального придорожного села смог так триумфально подняться к подножию трона самой большой державы мира? Кто построил ему эти ступени и познакомил с главой страны и его семьей? И как он стал символом русского провиденциализма?

2.

Весьма осведомленный секретарь Распутина Арон Симанович вспоминал: «В первые годы появления Распутина в свете на него большое влияние оказывала графиня Клейнмихель. Она имела салон, находилась в прекрасных отношениях со всеми кругами высшего петербургского света, и с ней считались даже при дворе»²⁶.

Влияние этой женщины на политическую жизнь предреволюционной России было связано с некоторыми чрезвычайными обстоятельствами ее биографии. Ее мать, русская аристократка Мария Ивановна Ризнич-фон-Келлер, влюбилась во французского чиновника МВД Сент-Ива д'Альвейдра. Их роман перерос в брак. И Мария Ивановна в Италии даже купила для мужа звание маркиза.

Он был духовидец, медиум и изобретатель предсказательной политической машины археометр, которую смог запатентовать и во Франции, и в Англии.

Рождение этого механизма было спровоцировано явлением маркизу его покойной жены, указавшей ему тайный ключ в 18-м псалме Давидовом: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук его вещает твердь».

²⁵ ГАРФ, Ф. 713. Оп. 1. Д. 48.

²⁶ Святой черт. М., 1990. С. 128.

Маркиз Сент-Ив д'Альвейдр также являлся одной из важных фигур в тайном обществе французских мартинистов и имел много влиятельных учеников и последователей среди политической элиты Франции максимально консервативного направления.

«Сент-Ив посвятил себя делу своей мечты, – пишет Умберто Эко, – мечтал же он найти политическую формулу, способную привести к созданию более гармонического общества – синархии, которое есть не что иное, как противоположность анархии»²⁷.

Д'Альвейдр имел славу одного из крупнейших французских мистиков, был автором книги «Миссия Индии в Европе», в которой подробно рассказывал о существующей в сердце гор Азии, буквально в пещерном мире, таинственной стране Агарте, населенной телепатами, управляющими миром. Эта территория была его «Атлантидой», где среди мудрецов-брахматм восторжествовали политические принципы «синархического закона истории и человеческих обществ».

Эко уточняет: «Синархию он мыслил как европейское общество, управляемое тремя советами, которые соответственно представляют экономическую, судебную и духовную власть, то есть бразды правления вручаются церкви и ученым, просвещенной олигархии, призванной покончить с классовой борьбой путем объединения левых и правых, иезуитов и масонов, труда и капитала»²⁸.

В сущности, д'Альвейдр предлагал свой эффективный механизм тайных обществ, двигателем которого являются мистические идеи, а их носителями в буквальном смысле политические оракулы. Задача такого общества – делегировать своих пророков на самый пик государственного аппарата.

Будучи сотрудником французского МВД, д'Альвейдр мечтал о совершенном порядке, который гарантировал бы обществу стабильность и процветание. Поэтому он выдвигал идею социального планетарного государства в его вечном Законе, который реализуется в момент второго Пришествия²⁹.

Мария Эдуардовна Клейнмихель испытала влияние своего французского отчима как в его политической, так и в мистической части. Чрезвычайно деятельная и информированная, она создала салон, пользовавшийся популярностью в политическом Петербурге. В беседах с гостями графиня была весьма изобретательна и могла узнать у важного собеседника многое о нем самом и его знакомых. А круг ее знакомств охватывал высших военных, дипломатов, олигархов, даже и первых лиц: от кайзера Вильгельма до Романовых.

Спиритические сеансы в доме аристократки были известны тем, что на них вызывались агрессивные духи. Один из вызванных духов, по легенде, сорвал с ее головы парик и обнажил в присутствии участников ее лысую голову. Но важнее потусторонних феноменов было другое. Как вспоминал осведомленный Арон Симанович: «В ее салоне вращались дипломаты и высшие государственные сановники, финансисты и множество дам высшего общества. Старая графиня была ловка и умна, а также умела со всеми ладить. Она была очень дружна с графиней Игнатьевой, которая была председательницей реакционного общества „Звездная палата“»³⁰.

3.

Тайное общество «Звездная палата», которое иногда называли салоном, было создано членом Государственного совета, генералом, графом Алексеем Павловичем Игнатьевым. Лицо

²⁷ Умберто Эко. История иллюзий. М., 2017. С. 376.

²⁸ Умберто Эко. История иллюзий. М., 2017. С. 376.

²⁹ Подробнее об этом в моем предисловии к: Д'Альвейдр Сент-Ив, Рене Геной. Между Шамбалой и Агартой. М., 2005.

³⁰ Святой черт. М., 1990. С. 128.

этого важного сановника мы видим даже на знаменитой картине Ильи Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года».

Сегодня смысл понятия «звездная палата» мало известен. Однако, например, для средневековой Англии организация с таким названием играла роль особого суда аристократов, который действовал против могучих политических фигур, чье осуждение обычным судом было вряд ли возможно из-за коррупции или политического веса. Свое название этот суд получил от зала в королевском дворце Вестминстера, свод которого действительно был украшен звездами: здесь в эпоху Генриха VII он изначально и собирался.

Организация не была судом в прямом смысле слова. Она выполняла роль тайного общества ревностных монархистов, занимавшегося вынесением своих приговоров и расправой в период династий Тюдоров и Стюартов. Предметом внимания Звездной палаты стали заговоры, мятежи и беспорядки. Но это общество произвольно понимало право и вершило *свой* суд, который часто расходился с общей практикой: палата исполняла тайную волю короля, которую тот не мог провести через парламент и уж тем более высказать публично. Таким образом, выражение «звездная палата» стало нарицательным символом внесудебных и тайных расправ.

Русское общество вряд ли случайно взяло такое же название. Тем более что в монархической и консервативной его принадлежности сомневаться не приходилось. Очевидно, что идеи д'Альвейдра о синархии как квинтэссенции тотального порядка и сугубого консерватизма полностью соответствовали задачам «Звездной палаты».

В мемуарах Алексея Игнатьева, сына графа, рассказывается о планах военного переворота и уверенности отца в необходимости максимально жесткого самодержавия. При этом граф Игнатьев отличался чрезвычайной трезвостью практических суждений и имел репутацию блестящего организатора, что доказал, будучи генерал-губернатором и в Восточной Сибири, и на Украине. Как профессиональный военный он знал толк в боеспособности частей, расквартированных в столице, знал командиров этих соединений и многих старших офицеров, пользовался у них непререкаемым авторитетом.

Со своим сыном Алексеем граф не раз обсуждал возможный план переворота: «Вот я думаю, можно положиться на вторую гвардейскую дивизию, как на менее привилегированную, а из кавалерии – на полки, которые мне лично доверяют: кавалергардов, гусар, кирасир, пожарный, казаков»³¹. Будущий диктатор, мечтавший об ужесточении царского правления, показывал сыну и список кандидатов на министерские посты в своем правительстве. Он считал, что только военная диктатура и национализм являются будущим России. О далеко идущих планах Игнатьева были осведомлены и в высших сферах. Там побаивались этого деятельного и непредсказуемого патриота с диктаторскими амбициями.

«Как далеко зашел отец в осуществлении своих планов дворцового переворота, я не знаю, – писал его сын. – Одно для меня бесспорно: какие-то слухи, может быть, и неясные, дошли тогда до правящих сфер. Отношения с двором и правительством у отца все более портились. Чья-то рука направляла начавшуюся травлю в так называемой бульварной прессе вроде „Биржевки“ и „Петербургской газеты“»³².

В адрес графа Игнатьева стали поступать анонимные письма с угрозами и нарисованными черепом и костями. Мрачные намерения анонимных сил осуществились 9 декабря 1906 года, когда Алексей Павлович Игнатьев баллотировался в тверские губернские гласные. Его убил пятью выстрелами член эсеровской боевой организации Ильинский. Обстоятельства покушения указывали на то, что оно хорошо планировалось. Околоточный, стоявший у черного входа в дворянское собрание, где находился Игнатьев, был кем-то заблаговременно снят.

³¹ А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 16.

³² А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. М., 1988. С. 16.

Как, впрочем, и вся охрана в помещении. А убийца-революционер неожиданно оказался агентом охранного отделения. Так оборвалась жизнь потенциального диктатора.

После смерти графа его вдова Софья Сергеевна унаследовала не только владения и капитал, но и тайное общество-салон «Звездная палата». В «Письме начальнику отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге за 21 марта 1914 года» сообщалось, что в числе «лиц, упомянутых в справке, приложенной к записке № 107017, в качестве членов масонско-оккультических кружков в Санкт-Петербурге в 1906 году по негласно собранным сведениям» о кружке масона Арсеньева К. К., редактора журнала «Вестник Европы», проживавшего в Царском Селе, проходила и графиня: «Как дознано, в беседах принимали участие какая-то графиня Игнатьева и княжна Гагарина, по-видимому, вдова генерал-адъютанта графиня Софья Сергеевна Игнатьева, известная благотворительница, интересующаяся религиозными вопросами...»³³

В «Звездной палате» также вертелись столики, вызывались духи потустороннего мира, велись диспуты о будущем устройстве империи.

4.

В 1904 году в Петербург приезжает уроженец французского Лиона, некто мэтр Филипп Низье Антельм. Он гипнотизер и народный целитель, а также ученик и последователь д'Альвейдра, приемного отца Марии Клейнмихель. Протекцию этому французу оказывала не только русская аристократка, но и черногорские принцессы Милица и Стана. Первая была женой великого князя Петра Николаевича, а вторая – женой князя Георгия Максимилиановича Романовского (6-го герцога Лейхтенбергского). Обе были увлечены различными поисками в области потустороннего и паранормального. Благодаря этим черногорским принцессам еще 20 сентября 1901 года в Компьене произошла первая встреча императорской четы с Филиппом Низье Антельмом.

«Их величества, – вспоминала ближайшая подруга царицы фрейлина Анна Вырубова, – говорили, что они верят, что есть люди, как и во времена Апостолов, не непременно священники, которые обладают благодатью Божьей и молитву которых Господь слышит. К числу таких людей, по их убеждениям, принадлежал Филипп, француз, который бывал у их величеств»³⁴.

Стоит напомнить, возвратившись к книге «Миссия Индии в Европе», что ее автор д'Альвейдр говорит в ней о «высоких посвященных», «понтифах парадезы», то есть жрецах идеального общества, обладающих экстраординарными качествами, в сущности, выступающими носителями идей синархии и Агарты. К таковым лицам, видимо, относился и Филипп из Лиона.

Фрейлина Вырубова, рассказывая об императрице Александре Федоровне, подтверждала факт этого знакомства с медиумом через влиятельную черногорскую принцессу: «Они познакомились с ним у великой княгини Милицы Николаевны»³⁵, и он умер до моего знакомства с государыней»³⁶.

Уроженец Лиона в прошлом был крестьянином, но в силу экстраординарных способностей приобрел славу толкового знахаря, гипнотизера и, как сказали бы сейчас, экстрасенса. Сверхъестественные возможности Филиппа впечатлили русского монарха. Царь пригласил волшебника в Санкт-Петербург. Там ему оказали небывалые почести, присвоили должность медика Военно-медицинской академии, звание генерала и статского советника.

³³ А. Я. Аврех. Масоны и революция. М., 1990. С. 313.

³⁴ Фрейлина Ее Величества Анна Вырубова. М., 1993. С. 274.

³⁵ На тот момент она была женой герцога Лейхтенбергского.

³⁶ Фрейлина Ее Величества Анна Вырубова. М., 1993. С. 274.

По-своему карьеру Филиппа в Петербурге описала немецкая газета *Berliner Lokal Anzeiger*: «Приблизительно 10 лет тому назад в Петербурге появился ловкий француз, доктор Филипп, которого ввели в общество две дамы из русской царской семьи. Они познакомились с ним за границей и были в восторге от его искусства, которое состояло преимущественно в проблемах 4-го измерения. Доктор Филипп был гипнотизером, ясновидящим, словом, ловким человеком, который умел придавать темному искусству полнейшую ясность. Дамы высшего русского общества были в восторге от предсказаний Филиппа, и слава его росла и дошла даже до трона. Однажды скользкий как угорь француз находился при дворе и имел там сеанс. Он понравился, и его стали приглашать очень часто»³⁷.

Падение знахаря предопределило не совсем необычное событие. Царская семья ждала от Филиппа волшебной помощи: своим мистическим искусством он должен был повлиять на императрицу, желавшую родить на этот раз наследника. Филипп действительно напроорочил беременность и рождение сына, но это не подтвердилось. Разразился скандал. Он привел к закату звезды французского волшебника и выдворению его из страны в 1904 году. «В один прекрасный день его не стало, – писала немецкая *Berliner Lokal Anzeiger*. – Паровой конь унес его по ту сторону западной границы России. Мистическая опасность, во всяком случае, была устранена. Сеансы при дворе прекратились. У многих свалился камень с сердца: „Спасен“»³⁸.

Не последнюю роль в изгнании Филиппа сыграл Департамент полиции, использовавший все средства, чтобы снизить сильное влияние иностранца. Покидая Россию, французский медиум сделал важное заявление, о котором в своих мемуарах упоминает фрейлина Вырубова: «Я только слыхала от их величеств, что Филипп до своей смерти предрек им, что у них будет „другой друг“, который будет говорить с ними о Боге»³⁹.

Пророчества лионского медиума хоть и с опозданием, но полностью сбылись: 30 июля 1904 года у императрицы действительно родился наследник, а затем появился и другой друг.

5.

Возможно финальное предсказание французского медиума и не было пророчеством в полном смысле слова. Вспоминая ту эпоху, влиятельное общество, «Звездную палату» и политический союз Марии Клейнмихель и Софьи Игнатьевой, секретарь Распутина Арон Симанович пишет: «Обе дамы занялись Распутиным, чтобы использовать его влияние на царя в своих интересах...»⁴⁰

Эти дамы не были его единственными покровительницами. Во время паломничества в Киев Распутин был замечен и черногорскими принцессами Милицей и Станой, также отправившимися по святым местам. Они обратили внимание на простого мужика, коловшего дрова в монастырском дворе. Тот цитировал Евангелие, рассказывал, как проповедовал на пристанях и станциях, уже пройдя путь от отчего села Покровского до Иерусалима, и как бывал на Афоне. В любом случае такой странник знал мир несравненно лучше, чем жительницы дворцов. А уж тем более русскую землю.

«Григория Ефимовича ввели в дом великих княгинь Милицы и Станы Николаевны епископ Феофан, который был очень заинтересован этим необыкновенным странником, – пишет Вырубова. – Их величества в то время находились в тесной дружбе с этими великими княги-

³⁷ Русские ясновидящие. *Berliner Lokal Anzeiger*, 28 февраля 1914 г.

³⁸ Русские ясновидящие. *Berliner Lokal Anzeiger*, 28 февраля 1914 г.

³⁹ Фрейлина Ее Величества Анна Вырубова. М., 1993. С. 274.

⁴⁰ Святой черт. Сб. М., 1990. С. 128.

нями. По рассказам государыни, их поразили ум и начитанность Милицы Николаевны, которую близкие считали чуть ли не пророчицей»⁴¹.

Благодаря дневнику Николая II мы имеем самое первое упоминание о появлении Распутина в 1905 году в Сергеевке – усадьбе в Петергофе, принадлежащей князю Романовскому, графу Лейхтербергскому и его жене сербской принцессе Стане.

«1-го ноября. Вторник.

Завтракали: кн. Орлов и Ресин (деж.). Погулял. В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.».

Зная о пророчестве мэтра Филиппа, мы имеем основания предполагать неслучайность знакомства царской семьи с Григорием Ефимовичем.

И это отмечает фрейлина Вырубова: «Появление Распутина, или Григория Ефимовича, как его называли, они сочли за осуществление предсказаний Филиппа об оном друге»⁴².

В действительности склонные к интригам Милица и Стана, выступая покровительницами Распутина, рассчитывали на его помощь в деле весьма опасном – они хотели войны на Балканах.

В чем был их интерес? Возможно, в желании сделать своего брата, черногорского принца Мирко, будущим монархом Югославии.

Этот амбициозный черногорский наследник в 1911 году вступил в тайное общество «Черная рука», объединявшее высших офицеров сербской армии. Оно фактически контролировало власть в Сербии, вплоть до физического устранения монархов. Своей целью «Черная рука» видела объединение всех славян на Балканах в единое государство и потому способствовала терактам и Балканским войнам, рассчитывая, что в них волей-неволей вмешается Россия.

Однако именно Распутин выступил против Первой Балканской войны 1912 года. Анна Вырубова писала об этом: «Вспоминаю только один случай, когда действительно Григорий Ефимович оказал влияние на внешнюю политику. Это было в 1912 году, когда Великий Князь Николай Николаевич и его супруга (черногорская принцесса Стана. – О. Ш.) старались склонить Государя принять участие в Балканской войне. Распутин чуть ли не на коленях перед Государем умолял его этого не делать, говоря, что враги России только и ждут того, чтобы Россия ввязалась в эту войну, и что Россию постигнет неминуемое несчастье»⁴³.

И даже Вторая Балканская война, начавшись 29 июня 1913 года, продлилась всего лишь месяц. И в этом случае Россия также не вмешалась в конфликт.

Директор департамента МИДа Российской империи, камергер Высочайшего двора Владимир Лопухин вспоминал: «Балканские союзники продолжали наступать на турок и основательно били их... В момент особого напряжения Коковцов⁴⁴ ездил в Ливадию, где находился царь, отправившийся в Крым с семьей для восстановления сил болевшего перед тем наследника. Возвращаясь, встреченный на Николаевском вокзале товарищами своими по финансовому ведомству и некоторыми другими сановниками, Коковцов тут же на перроне во всеуслышание им объявил: „Господа, спешу прежде всего вас успокоить насчет войны. Войны не будет. Ее не хочет Распутин“»⁴⁵.

Черногорские принцессы были разочарованы пацифистским влиянием Распутина на царя и царицу и, конечно, его неожиданной самостоятельностью.

⁴¹ Фрейлина Ее Величества Анна Вырубова. М., 1993. С. 274.

⁴² Фрейлина Ее Величества Анна Вырубова. М., 1993. С. 274.

⁴³ Анна Вырубова. Размышления о Распутине.

⁴⁴ В. Н. Коковцов (1853–1943), член Государственного совета, сенатор, видный политический деятель Российской империи.

⁴⁵ В. Б. Лопухин. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. СПб., 2009. С. 213

6.

В чем же крылись причины влияния Распутина на русскую императрицу? Возможно, одной из них было специфическое родовое наследие, которое и сегодня обсуждается генетиками. Родной бабкой императрицы России была королева Британии Виктория. Именно у нее, как считают ученые, произошла генетическая мутация Х-хромосомы, вследствие чего стали рождаться как здоровые мальчики и здоровые девочки, так и девочки – носители гемофилии и мальчики, больные гемофилией. Болезнь приводит к долгой несвертываемости крови, что может закончиться летальным исходом.

Материнская проблема передалась дочери – Алисе Гессенской, и хотя она сама не болела, но ее сын Фридрих оказался гемофиликом: падение ребенка из окна первого этажа привело к внутреннему кровотечению и смерти. С этого момента стало очевидно, что часть потомства обречена иметь опасное для жизни отклонение.

В Science разъясняется суть генетической проблемы: «“Королевская болезнь“, нарушение кровоснабжения – трансмутация, полученная от королевы Виктории (1819–1901) европейскими королевскими семьями, способствовала основным событиям в европейской истории и является одним из самых поразительных примеров удаляющегося наследования сцепленного гена... Генеалогический анализ предполагает, что королевская мутация болезни была передана от российской императрицы Александры (внучка королевы Виктории) ее сыну, наследному принцу Алексею, который пострадал от серьезного кровотечения, начинающегося в младенчестве»⁴⁶.

Дочь королевы Великобритании Виктории Алиса уехала в Дармштадт, став супругой Людвиг IV, великого герцога Гессенского и Прирейнского. Часть ее детей по мужской линии также получили родовую болезнь. Носительницей ее оказалась и Алиса, будущая императрица Александра Федоровна. А ее сын Алексей стал страдать от болезни, унаследованной от британской королевы.

Детство Алике прошло в Дармштадте, в родовом замке Гессенской династии. Сегодня принято называть это массивное сооружение скромным. Но будем понимать, что речь идет о скромности герцогов. Такие покои могут произвести впечатление и оформлением апартаментов, и обилием комнат, и подчеркиванием статуса, выраженным в золотистых гербах над воротами.

Большой замок-дворец в центре города был уютным и комфортным. Его и сейчас окружает парк со множеством деревьев, а плющ каскадами поднимается по стенам родовой цитадели, создавая атмосферу романтической идиллии.

Но по роскоши и представительности резиденция великих герцогов Гессенских вряд ли могла сравниться с королевским замком в Виндзоре, Букингемским дворцом и уж тем более с Царским Селом, Петергофом или Зимним. Но так уж исторически получилось, что именно из этого Дармштадтского замка немецкие принцессы уезжали в Россию и становились императрицами. Так оно произошло с Вильгельминой-Луизой, ставшей первой женой Павла I, и с принцессой Марией, ставшей женой Александра II. Так предначертано было случиться и с Алике.

Скоропостижная кончина Алисы Гессенской в 1878 году и новый брак отца – Людвиг IV, великого герцога Гессенского, привели к тому, что шестилетняя Алике была увезена своей бабкой, королевой Викторией, в Англию. Хотя она и была еще немецкой гессенской принцессой, но детство и юность провела именно в Англии, а Виндзорский замок стал для нее домом даже больше, чем замок Дармштадтский. И та, которую потом в России злые языки будут под-

⁴⁶ Science. Vol. 326, 6 November, 2009. P. 817.

черкнуто называть немкой, на четверть была англичанкой, по-английски говорила лучше, чем по-немецки, а в культурном смысле Алике была стопроцентной англичанкой.

Под готическими сводами главного замка Британии, видимо, и возник интерес Александры Федоровны к духовным поискам и тайнам Востока, тем более что Виндзор уже был хранилищем загадочных трофеев из колониальных походов: трона индийского Типу Султана и трона слоновой кости, подаренного магараджей Траванкора. То была эпоха «Лунного камня», очарованной мудрецами Индии Блаватской, Теософского общества, различного рода духовидцев, медиумов и пифий.

Александр Федорович Керенский в своей книге «Россия на историческом повороте» пишет: «Будущий император Николай II встретил и влюбился в Алису Гессенскую и Дармштадтскую в Виндзорском замке»⁴⁷. Это, конечно, не так – они впервые увиделись на бракосочетании сестры принцессы, Елизаветы Федоровны, и дяди Николая, Сергея Александровича, в Петербурге в 1889 году. Но ошибка Керенского трафаретна и любопытна. Действительно, Виндзор сыграл свою роль в судьбе будущей русской императрицы, которая в парадных залах королевской резиденции увидела британскую знать, для которой в годы Первой мировой войны она станет таким же врагом, как и Григорий Распутин, и будет олицетворять коварный пафизм русских.

Сибиряк Григорий Александре Федоровне казался человеком, обладавшим Христовыми качествами, вследствие чего все предметы, которых он касался, приобретали благодать.

Гофштеттер довольно точно описывает и еще одну причину доверительных отношений императрицы и Григория: «Душа немецкой принцессы, ставшей русской царицей при безвольном и бесхарактерном царе, искала в богато одаренном и несомненно проникновенном представителе загадочного для нее русского мужицкого царства ключ к уразумению своей новой родины, а людская пошлость истолковывала ее трагические искания в самом низменном и грязном смысле, свидетельствующем только об уровне нашего общественного понимания»⁴⁸.

Распутин появился при дворе, когда гемофилия наследника стала очевидной, а панацеи или хотя бы хоть какого-то лекарства от нее не было. Но оказалось, что Распутин способен заговаривать раны как непосредственно общаясь с ребенком, так даже и по телефону. И что удивительно, первый такой эффект Распутин продемонстрировал, когда царевичу было всего три года – в 1907 году. У наследника случилось внутреннее кровоизлияние от ушиба, и он неминуемо должен был умереть. Однако появление Распутина действительно спасло ребенка. И это было сложно объяснить тогда, как, впрочем, и сегодня. Ведь даже сейчас гипнотизеры не останавливают внутреннее кровотечение гемофиликов и не спасают им жизнь.

Болезнь царевича Алексея была государственной тайной: в случае его естественной или насильственной смерти прерывалась мужская линия Николая Романова. Вот почему эффективные исцеления Распутина приобрели для царской четы спасительное значение.

Отдельная сторона способностей Распутина – его склонность к пророчествам и предсказаниям. Это отмечал член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Руднев, сообщавший другому следователю, Соколову: «Входил Распутин в Царский Дом всегда с молитвой на устах, обращаясь к Государю и Императрице на „ты“ и трижды с ним лобызался, по сибирскому обычаю. Вместе с тем он говорил Государю „моя смерть будет и твоей смертью“, и при этом установлено также, что при Дворе он пользовался репутацией человека, обладавшего даром предсказывать события, облакая свои предсказания в загадочные формы, по примеру древней Пифии»⁴⁹.

⁴⁷ А. Ф. Керенский. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1996. С. 141.

⁴⁸ И. А. Гофштеттер. Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории. М., 2017. С. 118.

⁴⁹ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв., М. Т. VIII. С. 151.

Свободная цитация Библии и Евангелия, проповедничество, экзальтация, гипноз в стародавней Руси считались несомненными признаками святости. Эти качества у Распутина имелись. Для части российского общества Григорий являлся очевидным старцем, то есть духовным наставником, обладавшим в том числе целительскими и пророческими качествами. Такие особенности убедили царицу, что перед ней действительно божий человек.

Императрице нужна была особая психологическая помощь, необходим был психоаналитик, способный разобраться в детективе ее детства, в импульсах, подавленных жестким воспитанием, с травмой, нанесенной ранней смертью матери, драматической разлукой с отцом. Но было еще одно немаловажное качество Григория Ефимовича. «По словам царицы, он выучил ее верить и молиться Богу: ставил на колени, внушал ей спокойствие и сон»⁵⁰.

По заключению профессора Бехтерева, Александра Федоровна страдала припадками в тяжелой форме. Они возникли, по-видимому, еще в детстве на почве тяжелого душевного потрясения, каковым вполне могла быть смерть матери. Услуги врачей практически не помогали. Душевное равновесие после приступов достигалось лишь в присутствии Распутина. Возможно, его гипнотическая харизматичность имела такой эффект. Царица назвала Григория Другом. Им он в действительности и был. Помимо своих сверхъестественных талантов, Распутин мог утешить и успокоить царицу, которая не понимала нравов дворцовой жизни и вскоре оказалась в полной изоляции во враждебном окружении родственников мужа.

С величайшим доверием монархов статус Распутина подкрепляется естественными в этом случае преференциями: в апреле 1914 года он получает квартиру 20 по Гороховой, 64. Оплату его жилья осуществляло дворцовое ведомство, которое также устанавливает в кабинете Григория телефон, по нынешнему времени специфическую «вертушку», с номером 64646.

Вокруг Друга образуется особый круг лиц: жены высших сановников, банкиры и офицеры. Такого рода объединение не было однородным. У каждого, видимо, были свои интересы. Часть его окружения действительно видела в нем человека, наделенного особым целительским даром и потому получившего покровительство монаршей четы. Другие хотели выяснить у него тайну гипнотического воздействия и, если возможно, обучиться этой непонятной им, но действенной силе. А третьи, как Василий Розанов, видели в нем эротического мессию, символ русской витальности и национального духа. Были, конечно, и те, кто рассматривал Распутина как политического лоббиста и возможного эффективного ходатая в высших сферах.

Хотя гипнотизер и пророк был востребованнее других.

«Если кто и хотел бы понимать все, что известно относительно покорения дам высшего общества грубым мужиком Распутиным, с точки зрения гипнотизма, то он должен не забывать, что, кроме обыкновенного гипнотизма, есть еще „половой“ гипнотизм, каким очевидно, обладал в высокой степени старец Распутин», – писал Бехтерев в «Петроградской газете» 21 марта 1917 года.

Это мнение психиатра интересно прежде всего попыткой объяснить феномен Распутина. Отметим, что сам Бехтерев Григория Распутина никогда не видел и заключение ученого основано лишь на чужих впечатлениях и предположениях. А вот другой критик Распутина, Ипполит Гофштеттер, был знаком с ним и вспоминал примечательный случай: «Как-то утром в большой праздник Григорий с генеральшей собрались в церковь. С ними пошла и наша семилетняя Таня со своей бонной. Служба оказалась очень продолжительной, бонна соскучилась и вернулась домой, а Таня не хотела уходить и осталась с генеральшей. Девочка молилась около Григория, и своим молитвенным экстазом он произвел на нее непонятное, но очень сильное, почти потрясающее впечатление. Это уже был не тот Григорий, к которому дети лазили на колени, которого бесцеремонно теребили за бороду, с которым охотно играли в саду, а какой-

⁵⁰ 5° ГАРФ, Ф. 1467, Оп. 1. Д. 479. Л. 20.

то совсем другой: важный, величественный и загадочный. Танюша вернулась домой затихшая, чем-то подавленная, без обычных шалостей, живости и веселого смеха»⁵¹.

На известной фотографии того времени Распутин запечатлен с поднятой перед лицом правой рукой. С этого пасса он начинал гипнотическое воздействие. Порой в момент сеанса Распутин шепотом читал тексты из Библии и Евангелия и мог подчинить себе волю даже таких министров, как Столыпин.

Способность к гипнозу встречается лишь у некоторых людей. Но если она есть, ее можно усилить. Видимо, кто-то из окружения Распутина посоветовал ему так и сделать. И вот с конца 1913 года Григорий Ефимович становится прилежным учеником одного из петербургских, как тогда говорили, магнетизеров. Уроки гипноза, которые он берет, исправно фиксируются агентурой Департамента полиции и сотрудниками наружного наблюдения.

«1 февраля 1914, по имеющимся сведениям, Григорий Распутин, проживающий в настоящее время в Петербурге (Английский проспект, 3, кв. 10); будто бы берет уроки гипноза у некоего Герасима Дионисиевича Папнадато (Гавань, Малый проспект, 13–26, кв. 7).

Согласно приказаниям Его Превосходительства г-на Товарища Министра⁵² было установлено наружное наблюдение, с 2 по 11 февраля включительно, каковое результата не дало. В дальнейшем последовало распоряжение Его Превосходительства наблюдение прекратить, так как, по имеющимся сведениям, Папнадато предполагает принять участие в открытии какого-то лечебного заведения и только после этого войдет в сношение с „Русским“⁵³. Подполковник Еленский»⁵⁴.

Переписка учителя-магнетизера подвергается перлюстрации по личному распоряжению товарища министра внутренних дел Белецкого. В одном из писем к своей любовнице, проживавшей в Самаре, наставник сообщал «о больших надеждах... для своего материального благополучия на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе концентрировать»⁵⁵.

Опасаясь усиливающихся гипнотических способностей фаворита, Белецкий преднамеренно спугнул его учителя, а перлюстрированный материал был вшит в особо секретное дело, заведенное на Распутина, и эти документы скоро затребовал к себе министр внутренних дел Николай Алексеевич Маклаков.

Помимо владения гипнозом и умения заговаривать раны, Распутин мог вводить в транс. Он как-то умел концентрировать волю и через прикосновение направлять магический волевой поток по телу своего пациента. Сила этого воздействия зависела от напряжения. Обычно Распутин пальцами, собранными в щепотку, слегка дотрагивался до посетителя и мгновенно достигал результата.

Однако экстраординарные способности, имевшиеся у Григория Ефимовича, породили и многочисленных врагов, стремившихся объяснить его феномен принадлежностью сибиряка к сектантам. В среде петербургской элиты ходил по рукам труд Ипполита Гофштеттера, наметавший, что Григорий Ефимович будто бы принадлежит к секте хлыстов. Там утверждалось, что вождь религиозного кружка якобы часто устраивал для своих чад специфические радения. Будто бы распутиниане, как хлысты, входили в состояние экстаза после необычных прыжков и долгого бега по кругу под истеричные выкрики и монотонную громкую музыку.

⁵¹ И. А. Гофштеттер. Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории. М., 2017. С. 82.

⁵² Товарищем министра в то время называли его заместителя.

⁵³ Филерская кличка Распутина, применявшаяся в служебных документах охранного отделения, осуществлявшего за ним наблюдение.

⁵⁴ ГАРФ, Ф. 111. Он. 1. Д. 2981/а. Л. 9.

⁵⁵ ГАРФ, Ф. 1467. Он. 1. Д. 442. Л. 81.

Гофштеттер писал: «Впоследствии, когда, после окончательного разрыва с Григорием, я занялся исследованием той религиозной секты, к которой он, по всем приметам, принадлежал, я нашел в специальной литературе много примеров и фактов телепатического влияния на расстоянии, вполне установленных и зарегистрированных в судебных актах свидетельскими показаниями. Тогда и для меня уже не оставалось никакого сомнения в том, что Распутин, как и многие другие руководители секты, обладал огромной телепатической силой и владел какими-то тайными психическими чертами, быть может, усвоенными прежними вождями сильно распространенной в Сибири секты от магов и чародеев полного тайн Востока»⁵⁶.

Встречавшийся с Распутиным специалист по русским сектам, соратник Ленина большевик Бонч-Бруевич, считал, что Григорий Ефимович, может, и был действительно близок к хлыстовству, но имел собственное учение. Нелишне сказать и то, что само слово «хлыст» в дореволюционной России было нарицательным и его использовали для обозначения любой негативной личности.

Исследование Гофштеттера, призванное, по мнению автора, изобличить фаворита, только привлекло к нему новых почитателей. Царской четой оно было расценено как попытка ошельмовать святого. Для них Распутин был спасителем сына Алексея. Он мог останавливать у царевича не сворачивавшуюся из-за гемофилии кровь, а многие европейские светила этого не умели. Окончив университеты и размышляя о суеверии, они не понимали, почему малограмотный человек, без диплома, мог творить чудеса. Их позитивистский ум не принимал этого наваждения. К тому же эти высокомерные авторитеты не могли даже и предположить, что мужик Распутин элементарно мог брать уроки у гипнотизера и, конечно, обладать в этой области врожденным талантом, какого у них не было.

7.

Департамент полиции был вершиной пирамиды Министерства внутренних дел Российской империи. Его высшим начальствующим чином являлся товарищ министра внутренних дел, то есть заместитель главы ведомства, заведовавший полицией. В его подчинении находился директор Департамента полиции.

Структура этого учреждения включала наружную, сыскную (уголовную), речную, конную, земскую (сельскую) полиции. Исключение составляли дворцовая и политическая полиции.

Дворцовая полиция находилась в непосредственном подчинении министра двора Его Императорского Величества, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии графа В. Б. Фредерикса. Он возглавлял ее двадцать лет – с 1897 по 1917 год. Это была личная служба царя.

Функции политической полиции выполнял отдельный корпус жандармов. Его глава также был товарищем министра внутренних дел. Это уравнивало его с руководителем Департамента полиции⁵⁷. По традиции эту должность занимал гвардейский генерал, который тут же, после назначения, становился генерал-адъютантом царя и получал прямой доступ к монаршей особе. Таким образом, ведомство имело двойное подчинение. Назначение на эту должность происходило исключительно по принципу личной преданности: глава корпуса жандармов становился лицом, приближенным к императору, получавшим прямые приказы главы государства. Из наиболее показательных случаев следует отметить 1) генерала Джунковского (1913–1915) и 2) Протопопова, выдвинувшегося благодаря протекции Распутина.

⁵⁶ И. А. Гофштеттер. Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории. М., 2017. С. 86.

⁵⁷ В некоторых случаях, как, например, с А. А. Макаровым (1911–1912) или с А. Д. Протопоповым (1916–1917), посты министра и шефа корпуса жандармов совмещались.

Отцом русской жандармерии считается Николай I, а первым руководителем – его фаворит граф Бенкендорф, главный начальник Третьего отделения Собственной Его Величества канцелярии.

Но поворотным пунктом в истории царской спецслужбы стало 19 сентября 1867 года, когда появилось «Положение о Корпусе жандармов», в котором расписывалась новая внутренняя организация: в каждой губернии создавалось самостоятельное губернское жандармское управление. Оно занималось политическим наблюдением, политическим сыском, проводило аресты неблагонадежных, вело дознание по делам арестованных, передавало дела в прокуратуру, отслеживало прохождение этих дел в суде, конвоировало осужденных в места ссылки, каторги, заключения.

В связи с ростом подрывных организаций из ведения губернских жандармских управлений были выведены дела по политическому сыску. Они сосредотачивались в трех крупных городах империи: Петербурге (1866), Варшаве и Москве (1880) в особых отделениях при губернских жандармских управлениях.

В 1866 году при канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника было создано отделение по охране общественного порядка и спокойствия в столице. 12 мая 1886 года утверждается штат Санкт-Петербургского охранного отделения, которое с 1887 года стало именоваться отделением по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге.

В начале двадцатого века существование этих учреждений было расписано в «Положении о розыскных отделениях». В 1903 году они стали именоваться охранными, в просторечии «охранка». Одной из последних реформ, постигших ведомство, считается появление в нем 23 января 1911 года регистрационного бюро. В сферу его интересов входило наблюдение за лицами, проживающими в гостиницах и меблированных комнатах Санкт-Петербурга, в сущности регистрация.

Охранное отделение подчинялось непосредственно Департаменту полиции, который давал общее направление розыскной деятельности и распоряжался личным составом. Повышение по службе офицеров охранки проходило через Штаб корпуса жандармов, но всегда по инициативе Департамента полиции.

Охранное отделение осуществляло надзор за деятельностью подрывных террористических организаций: боевиков социалистов-революционеров, большевистских экспроприаторов, анархистов-бомбистов и националистических групп. Для получения информации об этих организациях охранка использовала как наружное наблюдение – филеров, отслеживавших контакты подрывных элементов, так и агентов, внедрявшихся непосредственно в среду революционеров. Одним из таких успехов полиции по праву считался агент «Портной» – большевик Роман Малиновский. Он был членом ЦК, одним из лидеров партии, ближайшим соратником Ленина, депутатом думы. Слежка за личностью Распутина стала для ведомства новым направлением в работе.

Первая встреча Григория с императорской семьей состоялась 1 ноября 1905 года. Однако он сам долгое время оставался тайной даже для охранных органов. Для этого императрица прибегала к различным ухищрениям.

Специфичность фигуры Распутина и его появление во дворце привели к тому, что в дружеские отношения с ним вошли главы охранных структур империи. Последний начальник дворцовой охраны Василий Невдахов сумел наладить личные отношения с фаворитом. Дочь полковника вспоминала: «Папа к Распутину относился по-дружески, так же и Распутин относился к отцу, но его визит в наш дом для окружения в Царском Селе не остался незамеченным»⁵⁸.

⁵⁸ А. Попова-Гарднер. Проделки судьбы, или Непредви

Впервые постоянное наблюдение за Распутиным пробует установить в октябре 1910 года премьер Столыпин, но оно длилось всего несколько дней.

Один из директоров департамента полиции, Степан Белецкий, писал: «Наблюдение за Распутиным в то время, то есть при П. А. Столыпине, вел П. Г. Курлов, товарищ министра внутренних дел. В чем оно выразилось, следов в департаменте не осталось, но, со слов Распутина, я знаю, что последний с того времени знаком с П. Г. Курловым»⁵⁹.

«Однажды вечером, зимой 1909–1910 годов, – вспоминал Курлов, – П. А. Столыпин передал мне по телефону о полученном им распоряжении прекратить учрежденное за Распутиным наблюдение и приказал это исполнить. Я дал соответствующее указание охранному отделению и, признаться, занятый другой, более важной работой, в дальнейшем об этом забыл. Через несколько дней, после очередного доклада П. А. Столыпина задержал меня и сказал, что он должен сегодня в три часа дня принять Распутина, а потому просил меня быть к этому времени в его кабинете, сесть за одним из боковых столов, не вмешиваться, под видом рассматривания бумаг, в разговор и, по уходе Распутина, высказать ему свое мнение. К назначенному времени я находился в министерском кабинете, куда дежурный курьер Оноприенко вскоре ввел Распутина. К министру подошел худощавый мужик с клинообразной темно-русой бородкой, с пронизательными умными глазами. Он сел с П. А. Столыпиным около большого стола и начал доказывать, что напрасно его в чем-то подозревают, так как он самый смирный и безобидный человек. Министр молчал и только перед уходом Распутина сказал ему, что если его поведение не даст повода к иному к нему отношению, то он может быть спокоен, что полиция его не тронет. Вслед за тем я высказал министру вынесенное мной впечатление: по моему мнению, Распутин представлял из себя тип русского хитрого мужика, что называется – себе на уме – и не показался мне шарлатаном.

„А нам все-таки придется с ним повозиться“, – закончил П. А. Столыпин нашу беседу»⁶⁰.

Постоянное наблюдение за фаворитом устанавливает министр внутренних дел А. А. Макаров 23 января 1912 года. Оно продолжалось вплоть до убийства. Эта работа полиции сопровождалась теми же действиями, какие предпринимались для сбора данных о лидерах политических партий и террористах. Согласно установившемуся порядку, на Распутина была заведена ориентировка, составлен словесный портрет, а объект наблюдения получил клички «Темный» и «Русский».

Вот с чего начиналось это наблюдение:

«Приметы Русского.

Лет 35–40 – внешне среднего роста, среднего телосложения – тип русский – волосы на голове длинные, светло-русые, борода лопатой с рыжим оттенком, усы средние, рыжеватые, лицо худощавое, глаза впалые. Одет: поповская бобровая шапка, бархатный верх, черное с коричневатым оттенком пальто с бобровым воротником, русские сапоги и высокие, с коричневой материей резиновые калоши»⁶¹.

Клички были присвоены всем постоянным его посетительницам. Но впоследствии от этого отказались, так как само наблюдение за Распутиным требовало очень много времени, и расшифровка псевдонимов показалась обременительной: общее количество наблюдаемых приблизилось к пяти тысячам!

Провалился и планомерный надзор за фаворитом. Как сообщали сотрудники полиции позднее: «...он был слишком осторожным и к тому же скрывался его поклонниками, старавшимися увозить его...»⁶²

⁵⁹ денные повороты моей жизни. Воспоминания крестницы императрицы Александры Федоровны. М., 2001. С. 7.

⁶⁰ П. Г. Курлов. Гибель императорской России. М., 1992. С. 161–162.

⁶¹ ГАРФ, Ф. 111. Оп. 1. Д. 2976. Л. 4.

⁶² ГАРФ, Ф. 111. Оп. 1, Д. 2981 (а). Л. 3–4.

Однако вскоре ситуация коренным образом изменилась.

Директор Департамента полиции Белецкий говорил: «Выступление А. И. Гучкова с кафедры Государственной Думы по поводу влияния Распутина повлекло за собой: 1) принятие мер к охране его личности, в силу полученных указаний свыше министром А. А. Макаровым, 2) воспреещение помещения в прессе статей о нем и 3) наблюдение за Гучковым, которое потом мною, при назначении генерала Джунковского⁶³, было снято. Вместе с тем А. А. Макаровым было предложено мне и несение охраны жизни Распутина. В силу этого мною с полковником Коттеном⁶⁴ был выработан план охраны, сводившийся к командированию развитых и конспиративных филеров, коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерский дневник, который к моменту оставления мной должности представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни»⁶⁵.

С ростом влияния Распутина он из объекта изучения превращается в объект охраны. Этому способствовали и два обстоятельства. Первое – это попытки убийства фаворита, задуманные странным монахом Илиодором и членами его секты. И второе – появление в Департаменте полиции друга Распутина, Степана Белецкого.

Возможно, Белецкого и имели в виду сотрудники полиции, когда писали об одном из «начальствующих лиц», которым было «получено письмо /анонимное/, с угрозой убить Распутина. Воспользовавшись этим, Охранным Отделением было предложено Распутину для охраны его назначить двух агентов. Предложение он принял, и были назначены агенты отделения ТЕРЕХОВ и СВИСТУНОВ. Агенты, охранявшие Распутина, одновременно выполняли и требование Департамента Полиции – выяснение, по возможности, лиц, его посещающих, и мест, им посещаемых. Вполне доверяя агентам, Распутин часто брал их с собой, что значительно облегчало работу с ними»⁶⁶.

За год до убийства анонимные угрозы в адрес царского фаворита повторились. Серьезно оценивая положение, МВД предприняло новые шаги к усилению безопасности «объекта». Теперь его круглосуточно охраняли по пять агентов в две смены, к тому же в распоряжении Григория Ефимовича имелся автомобиль с шофером-полицейским. С этого момента Распутин опекают 11 сотрудников МВД, они же отслеживают его посетителей.

Процедура наружного наблюдения за Григорием Ефимовичем выглядела следующим образом: в течение дня сопровождавшая его группа филеров фиксировала в блокноты всех контактировавших с ним лиц. Эти люди сопровождались наблюдением до мест проживания. Выяснялась их фамилия. Затем в адресный стол по месту прописки поступал запрос. Если объект слежения был неместным, он устанавливался Регистрационным бюро. Получив информацию, охранка направляла ее непосредственно полицейскому надзирателю данного участка, который негласным путем собирал дополнительные сведения на указанное лицо.

На всех этапах слежения помощь полиции оказывали дворники, извозчики и проститутки – наиболее зависимые от власти и часто уязвимые для закона.

Кроме того, в доме на Гороховой, где жил Распутин, устанавливались посты слежения, или, как тогда было принято говорить, «филерские посты». Их распределение выглядело весьма внушительно: «1/ один находился в квартире, когда разрешалось, или у двери, на лестнице; 2/ один – в швейцарской, в форме швейцара; 3/ один – для связи между внутренним

⁶³ Товарищ министра внутренних дел.

⁶⁴ М. Ф. Коттен (1870–1917), в 1909–1914 гг. начальник Петербургского охранного отделения.

⁶⁵ Падение царского режима. Л., 1925. Т. IV. С. 148.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2981 (а). Л. 3–4.

и наружным постами и 4/ три /в том числе шофер/ – у ворот и с мотором. В случае поездки Распутина один из филеров должен был всегда ехать с ним...»⁶⁷

Квартира Распутина на Гороховой, 64, была не только местом, где он и его родственники жили, но и приемной, где он оказывал свое покровительство и встречался с самыми разными просителями и почитателями.

Описания событий в блокнотах полицейских филеров в самой влиятельной в Санкт-Петербурге швейцарской порой включали весьма неожиданные подробности. Вот небольшой отчет об одном инциденте в доме Распутина, или, как называют хозяина в полицейском отчете, «Темного», от 7 июня 1916 года:

«В 12 ч. 50 м. пришел Малаков Иван Исакович, приезжий из Москвы, проживающий на Пушкинской ул. номера Тимакова, он выселен из Москвы за тайную продажу вина, когда он объяснил Темному свое дело, то Темный предложил подождать Симановича, а когда пришел Симанович, Темный приказал Симановичу переговорить с ним. Симанович спросил, в чем дело, и сказал, что здесь есть одна фрейлина, которая может устроить, и спросил, сколько он сможет пожертвовать за это. Малаков ответил: рублей 500. Симанович сказал, что это очень мало, такую сумму она сама может дать, и сказал, что это будет стоить тысяч пять или десять. Малаков пробыл 1 ч. 30 м.»⁶⁸.

Как писал немецкий автор Отто фон Таубе: «В зависимости от обстоятельств, влияние Распутина на ту или иную государственную акцию может быть косвенным или прямым. И все же, по мнению современников, в общем и целом, ко времени Первой мировой войны его деятельность все более походит на параллельное самодержавие»⁶⁹.

В многочисленных блокнотах филеров полиции, описывающих уличное наблюдение за действиями Распутина, есть примеры скандальных и парадоксальных событий. Вот лишь зафиксированные полицией за 1913 год.

«21 ноября Распутин посетил Мария Сазонова с не установленными дамой и барышней и оставалась у него в течение двух часов. После этого Распутин вышел с Сазоновой, с которой вскоре простился; в Столярном пер. он взял проститутку и пошел с ней на квартиру в дом № 9/11, кв. 35, по Казначейской ул. Отсюда он скоро вышел, на Сенной площади снова взял проститутку и с последней оставался в гостинице «Биржа» в течение 45 минут. Как оказалось, по выяснении, придя к первой проститутке, Распутин купил ей две бутылки пива, но сам не пил, затем попросил ее раздеться, осмотрел тело, заплатив ей два рубля, и ушел.

22 ноября Распутин, гуляя по разным улицам, приставал к женщинам, по-видимому, с гнусными предложениями, на что женщины отвечали угрозами, а некоторые даже плевали в него.

3 декабря Распутин с Любовью и Марией Головиными посетил на 3 ч. 40 м. Резиденцию духовных газет «Колокол» и «Голос истины». Выйдя отсюда с Марией Головиной, Р. доехал с ней до Фонтанки, где простился, затем на 10 мин. посетил меблированные комнаты «Рига», после чего на Невском проспекте взял проститутку и поехал с ней в гостиницу по Поварскому пер.

13 января Распутин вышел из дому с Сазоновой, скоро с ней простился и пошел на Николаевский вокзал, где в течение 10 мин. ходил, присматриваясь к женщинам. Затем на Знаменской ул. зашел в паштетную столовую, выйдя оттуда, у паперти церкви Знамения остановился для естественной надобности. После этого он направился в дом № 14 по Суворовскому про-

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2981 (а). Л. 3–4.

⁶⁸ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2981. Л. 637–639.

⁶⁹ Otto von Taube. Rasputin. Zurich – Bern, 1929. S. 22.

спекту в гостиницу, куда вскоре к нему привели из ресторана проститутку. Через полчаса Распутин вышел и, посетив на 2 ч. 15 мин. Сазонову, возвратился домой»⁷⁰.

Однако эти эпизоды сегодня вызывают сомнения в беспристрастности составителей филерских тетрадей наблюдения и подозрения в предвзятости полицейских, в служебном произволе и даже оговоре. Тем более что записи в филерских тетрадях в те времена не сопровождались фотографиями. И глава управления должен был верить им на слово. Но даже если бы это было и так, Распутин был выше бытового понимания его личности, которая ограничивается только низменными потребностями.

В русском обществе и, конечно, среди сотрудников МВД имелись те, кто считал близость простого крестьянина к монаршей семье дискредитирующим фактором. Именно такие идеалисты и могли совершить покушение на Распутина. Вот почему у него имелась большая охрана. Хотя фаворит подчас пренебрегал полицейской опекой в попытке сохранить инкогнито в местах своего посещения. И тогда сопровождавшие его докладывали: «...бывали случаи, что ни филеров, ни мотора он не брал, уезжая из дома»⁷¹.

Как мы видели, эти опасения Распутина имели основание. Такое наблюдение могло привести к появлению как реальных, так и сомнительных описаний в полицейских тетрадях. Но желание избавиться от навязчивых полицейских соглядатаев грозило привести к трагическим последствиям.

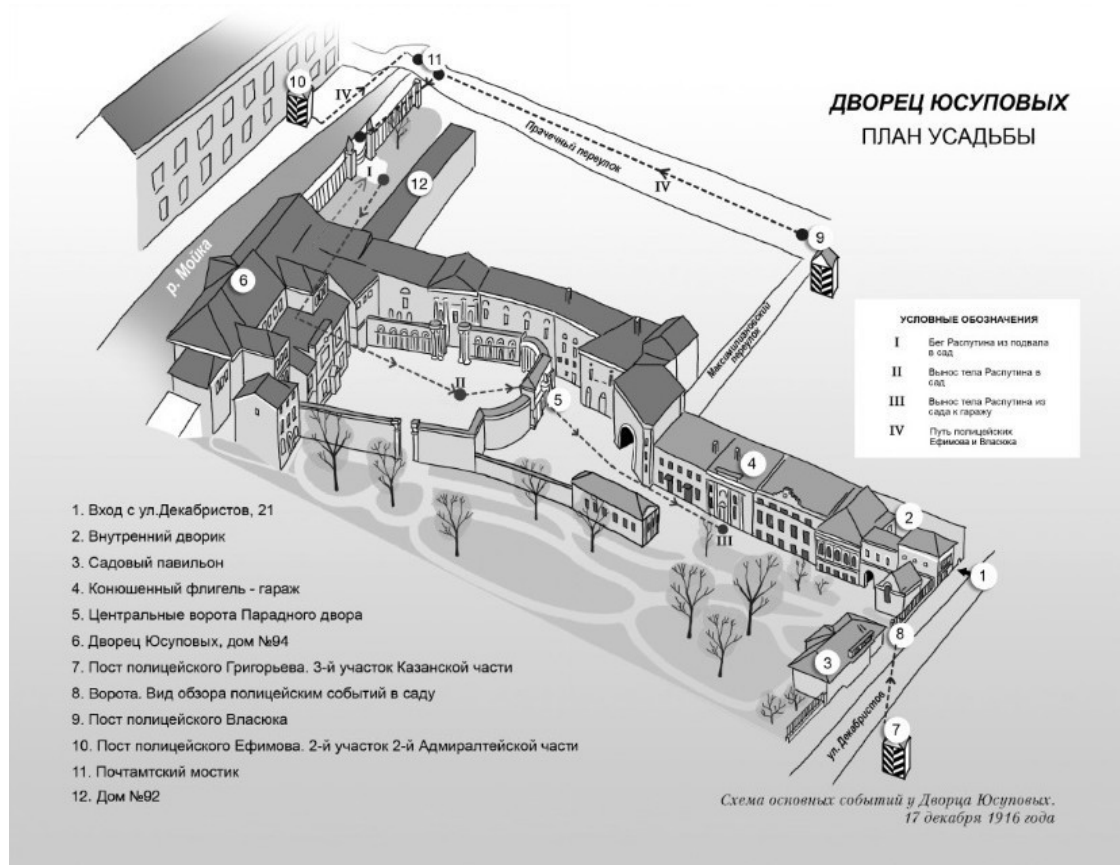
Григорий Распутин почему-то это не учитывал.

Топография места преступления. Особенности

Дворец Юсуповых на Мойке, где будут происходить дальнейшие события, был построен в 1770-х годах французским архитектором Жаном-Батистом Вален Деламотом для одного из блистательных сановников Екатерины II – графа Андрея Петровича Шувалова, состоявшего в переписке с Вольтером и Гельвецием.

⁷⁰ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2978. Л. 4.

⁷¹ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2981 (а). Л. 3–4.

Но в момент продажи дом принадлежал статс-даме, обер-гофмейстерине, графине Александре Васильевне Браницкой. Аристократка была тетей покупателя – Бориса Николаевича Юсупова. 5 марта 1830 года особняк продается за 250 тысяч рублей ассигнациями. Его новые хозяева прибегали к многочисленным достройкам, привлекая архитекторов Михайлова, Монигетти и Белобородова. Эти прибавления превратили сооружение, его флигели и павильоны в своеобразный лабиринт.

«Петербургская газета» сообщала: «№ 94 – это Юсуповский особняк, помещение, в котором расположены квартиры князей. Дом этот выходит всем фасадом на Мойку. Рядом с ним расположен особняк, выходящий в сад. Особняк этот отодвинут от набережной Мойки внутрь сада. Расположение домов наглядно показано на плане. Проход в особняк № 92 устроен под воротами первого двухэтажного дома, в котором помещается типография. Вход во внутренний двор довольно грязный, но этим входом, по показаниям служащих графа, пользовались все негласные гости.

Гости, входя через сад дома № 92, проходили через внутренний двор и оттуда уже с заднего хода шли в д. № 94. В бельэтаже № 94 расположены гостиные, в которых граф Сумароков-Эльстон принимает гостей. Под бельэтажем в подвальном помещении устроены скрытые роскошные комнаты, устланные коврами и уставленные диванами. Там, как говорят служащие, устраивались и устраиваются в настоящее время грандиозные попойки. После попок в этих комнатах происходят совершенно определенного рода увеселения, в которых принимают участие дамы, приезжающие с заднего входа через двор № 92»⁷².

Расположение дворца имеет свою специфику, важную для дальнейшего повествования. Его фасад выходит на набережную реки Мойки и в непосредственной близости от двух мостов – Поцелуева (транспортного) и Почтового (пешеходного), недалеко расположен и Синий мост.

⁷² ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

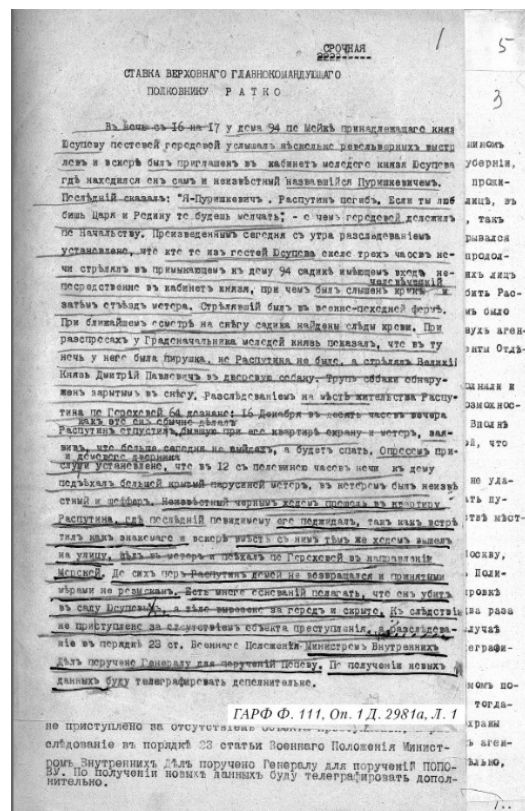
Слева от фасада существовал и есть и ныне небольшой садик с забором. А сразу за дворцом разбит сад, ворота которого выходят на Офицерскую улицу, в советское время названную улицей Декабристов. Справа от фасада дома на другой стороне Мойки находилось здание, где размещался 2-й полицейский участок 2-й Адмиралтейской части, который в дни Первой мировой войны стал особо охраняемым объектом и имел круглосуточную полицейскую караульную будку при входе.

На пересечении Прачечного и Максимилиановского переулков (ныне переулок Пирогова) находился еще один круглосуточный полицейский пост. Он располагался напротив другого выхода из княжеской резиденции и в виде арки проходил через крыло дворца, примыкавшее к конюшенному флигелю. Арку, позднее нашего события, заложили кирпичами, превратив окончание улицы в тупик. Но ее силуэт и сейчас читается на стене дома по улице Декабристов, д.21А.

Параллельно набережной Мойки за дворцом Юсуповых проходила Офицерская, ныне улица Декабристов. На этой улице в доме 28 располагался 3-й полицейский участок Казанской части. Его центральные двери смотрели, да и сейчас смотрят, на ворота и ограду сада Юсуповского дворца. Он также имел круглосуточную полицейскую будку при входе.

Если неспешно отправиться вдоль Мойки в левую сторону от центрального фасада, то, миновав Фонарный мост, довольно скоро можно очутиться у Синего моста, который ведет к Исаакиевской площади: углом в нее вклинивается центральный вход гостиницы «Астория», в годы Первой мировой войны являвшейся местом, где проживал глава Британской военной миссии при русском Генеральном штабе генерал-майор сэр Гэнбери-Уильямс и один из участников заговора – Станислав Лазоверт.

В этой истории топография Петрограда имеет важное значение. В дальнейшем мы убедимся, что эти особенности играли ключевую роль в понимании событий ночи с 16 на 17 декабря.

Глава 3

Первое известие. Момент преступления

1.

6 декабря 1916 года, в день тезоименитства Николая II, ночью в 1 час 20 минут в Ставку в Могилеве пришла телеграмма от Григория Распутина.

«Чтимый твой день мною прославлен творениями чудес, многотерпением пример с великого Чудотворца, он нас утешит и с нами вовек некого страшиться. Григорий Новых»⁷³.

Чудотворец – это Николай Мирликийский, небесный покровитель царя. Телеграмма от Распутина была формой поддержки в день ангела. В своем дневнике от 6 декабря царь пишет о поздравлениях, но специально никак не отмечает ночную телеграмму старца. Навряд ли монарх тогда думал, что пройдет всего 11 дней и события его жизни примут максимально драматичный оборот.

Но именно так и произошло.

17 декабря 1916 года началось для императора Российской империи с пришедшего телеграфом послания супруги. Первые строчки этого длинного сообщения были привычными и касались очень интимных подробностей, связанных со здоровьем, заботами о госпитале, который жена патронировала, и злыми сплетнями вокруг монаршей семьи. Однако в середине послания тон резко меняется. Возможно, это произошло потому, что само известие было получено в момент составления телеграммы.

Вот что Александра Федоровна сообщала супругу: «Мы сидим все вместе – ты можешь представить себе наши чувства, мысли – наш Друг исчез. Вчера А. (Анна Вырубова) видела Его, и Он ей сказал, что Феликс просил Его приехать к нему ночью, что за Ним заедет автомобиль, чтоб Он мог повидать Ирину. Автомобиль заехал за Ним (военный автомобиль), с двумя штатскими, и Он уехал. Сегодня ночью огромный скандал в Юсуповском доме – большое собрание, Дмитрий, Пуришкевич и т. д. – все пьяные. Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что наш Друг убит... Феликс утверждает, будто он не являлся в дом и никогда не звал Его. Это, по-видимому, была западня. Я все еще полагаюсь на Божье милосердие, что Его только увезли куда-то. Я не могу и не хочу верить, что Его убили»⁷⁴.

«Наш Друг» – это Распутин. Надежды на его спасение все-таки оставались. Так уже бывало, что он пропадал, уезжал в компании, к цыганам, но потом объявлялся. Еще был шанс увидеть его живым...

Надежды развеяло пространное послание от Феликса Юсупова, мужа племянницы монарха, великой княжны Ирины, которое императрица получила тогда же – 17 декабря, видимо, сразу после посылки телеграммы.

«Ваше Императорское Величество, спешу исполнить Ваше приказание и сообщить все то, что произошло у меня вчера вечером, дабы пролить свет на то ужасное обвинение, которое на меня возлагают. По случаю новоселья ночью 16-го декабря я устроил у себя ужин, на который пригласил своих друзей, несколько дам. Великий князь Дмитрий Павлович тоже был. Около 12 ко мне протелефонировал Григорий Ефимович, приглашая ехать с ним к цыганам. Я отказался, говоря, что у меня самого вечер, и спросил, откуда он мне звонит. Он ответил: «Слишком много хочешь знать» и повесил трубку. Когда он говорил, то было слышно много

⁷³ ГАРФ. Ф. 111. О. 1. Д. 2979/а. Л. 146.

⁷⁴ Красный архив. М. – Пг., 1923. Т. 4. С. 198.

голосов. Вот все, что я слышал в этот вечер о Григории Ефимовиче. Вернувшись от телефона к своим гостям, я им рассказал мой разговор по телефону, чем вызвал у них неосторожные замечания. Вы же знаете, Ваше Величество, что имя Григория Ефимовича во многих кругах было весьма непопулярно. Около 3-х часов у меня начался разъезд, и, попрощавшись с Великим князем и двумя дамами, я с другими пошел в свой кабинет. Вдруг мне показалось, что где-то раздался выстрел. Я позвонил человека и приказал ему узнать, в чем дело. Он вернулся и сказал: «Слышен был выстрел, но неизвестно откуда». Тогда я сам пошел во двор и лично спросил дворников и городских, кто стрелял. Дворники сказали, что пили чай в дворницкой, а городской сказал, что слышал выстрел, но не знает, кто стрелял. Тогда я пошел домой, велел позвать городского, а сам протелефонировал Дмитрию Павловичу, спрося, не стрелял ли он. Он мне ответил след., что, выходя из дома, он выстрелил неск. раз в дворовую собаку и что с одной из дам сделался обморок. Тогда я ему сказал, что выстрелы произвели сенсацию, на что он мне ответил, что этого быть не может, т. к. никого кругом не было. Я позвал человека и пошел сам на двор, и увидел одну из наших дворовых собак убитой у забора. Тогда я приказал человеку зарыть ее в саду. В 4 часа все разъехались, и я вернулся во дворец Вел. князя Александра Михайловича, где я живу. На другой день, т. е. сегодня утром, я узнал об исчезновении Григория Ефимовича, которое ставят в связи с моим вечером. Затем мне рассказали, что как будто видели меня у него ночью и что он со мной уехал. Это сушая ложь, т. к. весь вечер я и мои гости не покидали моего дома. Затем мне говорили, что он кому-то сказал, что поедет на днях познакомиться с Ириной. В этом есть доля правды, т. к., когда я его видел в последний раз, он меня просил познакомить его с Ириной и спрашивал, тут ли она. Я ему сказал, что жена в Крыму, но приезжает числа 15 или 16-го декабря. 14-го вечером я получил от Ирины телеграмму, в которой она пишет, что заболела, и просит меня приехать вместе с ее братьями, которые выезжают сегодня вечером. Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводятся. Остаюсь глубоко преданный Вашему Величеству, Феликс»⁷⁵.

Объяснительное письмо вызывало подозрения. Оно бросало тень на великого князя Дмитрия Павловича, который пользовался особым доверием монарха и даже считался женихом дочери – Ольги Николаевны. Последнее обстоятельство даже позволило ему укрепить на крыле своего автомобиля императорский штандарт. Фрейлина императрицы и ее душеприказчица Анна Вырубова вспоминала: «В последний раз мы были в Ставке в ноябре 1916 года. Его величество уезжал с нами, а также его многочисленная свита и великий князь Дмитрий Павлович. Последний сидел на кушетке, где лежала государыня, и рассказывал ей всевозможные анекдоты; дети и я работали тут же, смежная дверь в отделение государя была открыта, и он занимался за письменным столом. Изредка он подходил к дверям с папироской в руках и, оглядывая нас своим спокойным взглядом, вдруг от души начинал смеяться какой-нибудь шутке великого князя Дмитрия Павловича»⁷⁶.

И вот спустя три недели после идиллической сцены рассказчик анекдотов становится подозреваемым в убийстве. Царица настаивала на его соучастии. В очередной телеграмме, отправленной мужу в Ставку в Могилеве и доставленной ему в «17 ч. 07 мин.», императрица умоляет: «Не можешь ли немедленно прислать *Воейкова*?⁷⁷ Нужно его содействие, так как наш Друг исчез с прошлой ночи. Мы еще надеемся на Божье милосердие. Замешаны Феликс и Дмитрий»⁷⁸.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 640. Оп. 2. Д. 50. Л. 1–2 (об.).

⁷⁶ Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М., 1993. С. 265.

⁷⁷ Владимир Николаевич Воейков (1868–1947), дворцовый комендант (1913–1917), генерал-майор Свиты, доверенное лицо императора.

⁷⁸ Красный архив. М. – Пг., 1923. Т. 4. С. 199.

В этот же день, 17 декабря, в шесть часов вечера лента аппарата Юза в Ставке Верховного главнокомандующего Русской армии в Могилеве стала отбивать новое сообщение, на этот раз уже с пометкой «срочная». Оно было не от императрицы, а от министра внутренних дел, и оказалось настолько сенсационно, что полковник Ротко, начальник отряда связистов, немедленно передал ее государю. В черновике телеграммы видно, что буквально все ее слова подчеркнуты! Возможно, это произошло от нервного напряжения. А может быть, текст был важен целиком?

«В ночь с 16 на 17 декабря, – говорилось в телеграмме, – у дома 94, на Мойке, принадлежащего князю Юсупову, постовой городской услышал несколько револьверных выстрелов и вскоре был приглашен в кабинет молодого князя Юсупова, где находился он сам и неизвестный, назвавшийся Пуришкевичем. Последний сказал: „Я Пуришкевич. Распутин погиб. Если ты любишь царя и Родину, то будешь молчать“. О чем городской доложил по начальству. Произведенным сегодня с утра расследованием установлено, что кто-то из гостей Юсупова около *трех часов ночи* стрелял в примыкающем к дому 94 садике, имеющем вход непосредственно в кабинет князя, причем был слышен крик человеческий и затем отъезд мотора. *Стрелявший был в военно-походной форме*. При ближайшем осмотре на снегу садика найдены следы крови. При расспросах у градоначальника молодой князь показал, что в ту ночь у него была пирушка, но Распутина не было, а стрелял Великий князь Дмитрий Павлович в дворовую собаку. Труп собаки обнаружился зарытым в снегу. Расследованием на месте жительства Распутина на Гороховой, 64, дознано: 16 декабря в девять часов вечера Распутин отпустил, как это он обычно делал, бывшую при его квартире охрану и мотор, заявив, что больше сегодня не выйдет, а будет спать. Опросом прислуги и домового дворника установлено, что с 12 с половиною часов ночи к дому подъехал большой крытый парусиной мотор, в котором был неизвестный и шофер. Неизвестный черным ходом прошел в квартиру Распутина, где последний, по-видимому, его поджидал, так как встретил как старого знакомого и вскоре вместе с ним тем же ходом вышел на улицу, сел в мотор и поехал по Гороховой в направлении Морской. До сих пор Распутин домой не возвращался и принятыми мерами не разыскан. Есть много оснований полагать, что он убит в саду Юсуповых, а тело вывезено за город и скрыто. К следствию не приступлено за отсутствием объекта преступления, а расследование в порядке 23 статьи Военного положения Министром внутренних дел поручено генералу для поручений Попову. По получении новых данных буду телеграфировать дополнительно»⁷⁹.

Царь имел возможность перепроверить сообщения по прямому телефонному проводу с Петроградом. Его кабинет был связан «вертушкой» с Палисандровой гостиной в покоях императрицы в Александровском дворце в Царском Селе. Но звонков не последовало. Возможно, что вопреки всему Николай II верил, что, может быть, Распутин жив. И потому монарх решил отложить важные решения до 18 декабря, не покидая Ставку в Могилеве.

Утром следующего дня, когда царь вместе с наследником посетили литургию в штабной церкви, монарх сохранял в тайне содержание мрачных телеграмм. Ни сын, ни свита еще не знали о громком убийстве в столице. Однако многие обратили внимание на печальный вид монарха.

Эта озабоченность накручивалась текущей телеграфной перепиской с супругой. В 11 часов 42 минуты императрица в новой телеграмме умоляла: «...мне страшно необходимо твое присутствие». При этом утренний завтрак, который обычно начинался в 12:30, прошел как обычно: с тремя блюдами, мадерой и красным крымским вином в виде дижестива.

Однако, едва выйдя из-за стола, царь отправился в аппаратную и послал жене телеграмму: «Выезжаю в 4:30».

События в Петрограде к этому моменту приобретали небывалый размах. Александра Федоровна, в нарушение судебных процедур и превысив полномочия, взяла в свои руки ход

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2981/а. Л. 1.

расследования: от имени Николая II санкционировала задержание одного из самых близких к царской семье людей – великого князя Дмитрия Павловича.

Вот почему 18 декабря в 15:45 в Могилев от царицы пришла новая телеграмма: «Приказала Максимовичу⁸⁰ твоим именем запретить Д(митрию) выезжать из дому до твоего возвращения. Д(митрий) хотел видеть меня сегодня, я отказала. Замешан главным образом он. Тело еще не найдено. Когда ты будешь здесь? Целую без конца»⁸¹.

Получалось, что по ее распоряжению Дмитрий Павлович был помещен под домашний арест. Императрица требовала, чтобы его судили полевым судом, а это могло быть только в одном случае – в случае его измены. И, видимо, такой вопрос поднимался неслучайно.

Днем Николай II находился в Ставке на совещании. Русское командование должно было рассматривать весеннее наступление на фронтах и его координацию с союзниками. Для этого в Могилев прибыл генерал Генштаба Данилов. В своих мемуарах он вспоминал: «Начавшись с утра, оно шло под председательством Государя и в присутствии генерала Гурко, замещавшего больного начальника штаба генерала Алексеева. Однако после перерыва для завтрака в среде совещавшихся почувствовалось какое-то замешательство. Стал передаваться шепотом слух о получении из Царского Села какой-то важной телеграммы, требовавшей спешного отъезда Государя из ставки в столицу. Совещание было скомкано. Оно шло довольно беспорядочно, прерывалось какими-то дополнительными сведениями, получавшимися из Царского Села и остававшимися для нас секретными...»⁸²

Обычно об отъездах царя извещалось заранее, а подготовка к путешествию в столицу занимала несколько дней. Время всегда было необходимо для сбора челяди государя и организации охраны, которой руководил Борис Александрович Герарди – полковник отдельного корпуса жандармов, начальник дворцовой полиции. Список мероприятий включал в себя действия секретной агентуры в среде революционеров и наблюдения за лицами как местными, так и приезжими, выяснение личности этих людей, перлюстрацию корреспонденции и даже санитарные и противопожарные мероприятия в пунктах прохождения царского поезда. В стране, где имелись революционеры-террористы, любое передвижение по железной дороге было чревато покушением. Печальный пример такого железнодорожного теракта имел место во времена отца Николая II – Александра III. Кроме того, в воюющей стране следовало опасаться и диверсантов противника, которые, возможно, имели свою агентуру в Могилеве. Но 18 декабря на сборы и мероприятия было отведено всего 2 часа.

Внезапное решение царя об отъезде в столицу удивило штабистов и генералитет Ставки Верховного. Заинтригованные, многие из них гадали о причинах спешки. В штабной столовой дежурный по Ставке генерал Кондзеровский встретил неожиданно прибывшего в Могилев генерал-адъютанта, графа Татищева. Появление царедворца придавало происходящему характер интриги. Дежурный генерал обратился к нему с естественным вопросом о цели визита, и, к удивлению, гость прямо в штабной столовой публично объявил об убийстве Распутина. Офицеров, свидетелей громкого диалога, охватило ликование. На радостях они вскрыли шампанское и пили за здоровье убийц. А в это же время – в 16:30 – царский поезд отошел от перрона вокзала в Могилеве.

Николай II выезжал в Царское Село, откуда он желал лично контролировать ход следствия. Дело касалось не только смерти фаворита, но и царских родственников, а в отношении них монарх сам должен был принять решение.

⁸⁰ Константин Клавдиевич Максимович (1849–1917), помощник командующего императорской главной квартиры.

⁸¹ Красный архив. М. – Пг., 1923. Т. 4. С. 200.

⁸² Ю. Данилов. На пути к крушению. М., 2000. С. 215.

2.

Первые сведения, сообщенные в телеграмме, переданной полковником Ротко, представляли собой довольно точное описание места преступления и даже обстоятельств убийства. Они были составлены на основе свежих показаний, данных городовым 2-го участка Адмиралтейской части Ефимовым и городовым 3-го участка Казанской части Власюком начальнику сыскной полиции Петрограда. Полицейская будка Ефимова находилась на противоположной от дворца Юсуповых стороне реки Мойки – на Морской улице, между домами 61-ми 63-м. Здесь помещался 2-й полицейский участок 2-й Адмиралтейской части. От набережной у Юсуповского дворца к Морской улице ведет пешеходный Почтамтский мостик. А фасад здания и садик слева от дворца видны отлично. В ту ночь Ефимов был на дежурстве на спецпосту возле участка и по инструкции не имел права от него отлучаться.

Только этот полицейский мог сообщить наиболее интересные сведения, процитированные в телеграмме, которые есть смысл повторить еще раз: «...кто-то из гостей Юсупова около трех часов ночи стрелял в примыкающем к дому 94 садике, имеющем вход непосредственно в кабинет князя, причем был слышен крик человеческий и затем отъезд мотора. Стрелявший был в военно-походной форме».

Может возникнуть естественный вопрос: а возможно ли было городовому в декабрьскую ночь разглядеть то, что происходило на другой стороне, пусть и неширокой реки Мойки? Да, это было возможно, и вот почему: прямо у деревянного забора-штaketника, уходившего в сторону от дворца, с внешней стороны, в том месте, где стоят декоративные столбы, на расстоянии не более трех метров находился уличный газовый фонарь. А с противоположной стороны Мойки, там, где располагалась полицейская будка постового, стояли разноуровневые фонари в два ряда: невысокие вдоль ограждения у реки и высокие вдоль дороги. Пространство события было хорошо освещено. Но этот же свет, который помог полицейскому разглядеть убийство, помог и убийце попасть в жертву.

К тому же в снежную зиму для расчистки пространства во дворе перед домом 92, где разворачивались автомобили, дворники сгребали к ограде снег. К 17 декабря там уже были большие сугробы. Именно на эти сугробы в погоне за жертвой и вбежал убийца в военно-походной форме и оказался выше ограды и, таким образом, попал в прямой свет фонаря.

Все эти обстоятельства проясняются благодаря одной из криминалистических фотографий⁸³ и исторических снимков у Реформатской церкви на Мойке.

Получалось, что у следствия уже сразу был важный свидетель преступления, видевший убийцу и даже способный описать его внешний вид. И что чрезвычайно важно, этот свидетель был профессиональным полицейским. Отметим и другой важный факт, вытекавший из сообщения Ефимова: стрельбу на улице вел только **один** человек, которого он и называет «стрелявшим» – в единственном числе!

18 декабря, спустя сутки, Ефимов был вызван к подполковнику отдельного корпуса жандармов Попелю. Он, на основании статьи 23 «Правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении», произвел допрос свидетеля. Городовой снова повторил сказанное с небольшими, но важными подробностями: «В ночь на 17 декабря я стоял на посту на Морской улице, возле д. № 61. В 2 ч. 30 м. ночи я услышал выстрел, а через 3–5 секунд последовало еще 3 выстрела, быстро, один за другим, звук выстрелов раздался с Мойки, приблизительно со стороны дома № 92. После первого выстрела раздался негромкий, как бы женский крик; шума не было слышно никакого. В течение 20–30 минут не проезжал по Мойке никакой автомобиль или извозчик. Только спустя полчаса проехал по Мойке от Синего моста к Поцелуеву какой-

⁸³ Музей политической истории России. Ф. Ш-11354-2.

то автомобиль, который нигде не останавливался. О выстрелах я дал знать по телефону в 3-й Казанский участок⁸⁴, а сам пошел в сторону выстрелов. На Почтамтском мостике я увидел городского Власюка, который тоже слышал выстрелы и, думая, что они произведены на Морской улице, шел ко мне навстречу с целью узнать, где и кто стрелял. Я сказал, что выстрелы были произведены в районе д. № 92 по Мойке. После этого я возвратился на пост и больше ничего не видел и не слышал. Помню, что со времени, как раздались выстрелы, до 5–6 часов утра я не видел других проезжавших по Мойке автомобилей, кроме вышеуказанного. Больше ничего не могу показать»⁸⁵.

Обратим внимание, что в этих показаниях Ефимова исчезает таинственный незнакомец в военно-походной форме. Но мы еще услышим об этом человеке. Из обобщенных свидетельств вытекало, что в 2:30 кто-то выстрелил несколько раз (предположительно, в Распутина), затем какой-то таинственный автомобиль промчался вдоль фасада дворца Юсуповых от Синего к Поцелуеву мосту. Далее окажется, что таких машин было несколько.

Интересно отметить, что в ночь убийства Ефимов выждал приблизительно полчаса, прежде чем рискнул отправиться по Почтовому мостику к Юсуповскому дому. Как он объясняет, его останавливало то, что это был не его участок, не Адмиралтейская, а Казанская часть, куда он перед выходом все же позвонил.

Как сообщил Ефимов, на Почтамтском мостике он встретил городского Власюка. Его пост находился на другой стороне Мойки и вдобавок в глубине квартала – на пересечении Прачечного и Максимилиановского переулков. Прачечный ведет непосредственно к реке. И если звук выстрела в сторону Морской улицы, где находился Ефимов, донесся, не встречая препятствий, то для Власюка, который хоть и был на этой же стороне реки, он прозвучал из-за домов и оказался искажен. Городовой растерялся и неуверенно отправился к набережной. Свое состояние в тот момент Власюк описал так: «Около 4 часов ночи я услышал 3–4 быстро следовавших друг за другом выстрела. Я оглянулся кругом – все было тихо. Мне послышалось, что выстрелы раздались со стороны правее немецкой кирхи, что по Мойке...»⁸⁶

Власюк также выждал полчаса, прежде чем отправился к Почтамтскому мостику и там встретил городского Ефимова. Получив от коллеги информацию о стрельбе на вверенной ему стороне Мойки, городской подошел к дому 92, где поинтересовался у дворника: кто стрелял? Тот ответил, что никаких выстрелов не слышал. Как вдруг появились два странных полуночника. Встречу с ними Власюк описал весьма подробно: «В это время я увидел через забор, что по двору этого дома идут по направлению к калитке два человека в кителях и без фуражек. Когда они подошли, то я узнал в них князя Юсупова и его дворецкого Бужинского. Последнего я тоже спросил, кто стрелял, на это Бужинский заявил, что он никаких выстрелов не слышал, но возможно, что кто-либо из баловства мог выстрелить из пугача. Кажется, что и князь сказал, что он не слышал выстрелов.

После этого они ушли, а я, оставшись здесь и осмотрев двор через забор и улицу и не найдя ничего подозрительного, отправился на свой пост»⁸⁷.

Последнее утверждение полицейского выглядело несколько странно; как мы потом узнаем, место за оградой было залито кровью. Но, возможно, ночью это было разглядеть нелегко?

О происшедшем полицейский не решился сообщать по инстанции, так как не был уверен в том, что, собственно, произошло. Однако находиться на посту ему пришлось не более 20 минут. По их истечении Власюк заметил приближавшегося к нему дворецкого князя Юсупова,

⁸⁴ В дальнейшем с последовательностью этих событий разбирались и прокуроры по линии Министерства юстиции.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 357. Л. 29–29 (об.).

⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 357. Л. 31.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 357. Л. 31.

господина Бужинского, с которым недавно расстался. Ночной гость неожиданно предложил полицейскому проследовать за ним в дом 94 – во дворец. Князь хотел его видеть!

Предложение дворецкого смутило Власюка. Но то, что произошло дальше, было как наваждение. Вот что сообщил Власюк проводившему дознание полицейскому подполковнику Попелю: «Я пошел за ним, и он привел меня через парадный подъезд дома № 94 в кабинет князя. Едва я переступил порог кабинета (находится влево от парадной, вход с Мойки), как ко мне подошел князь Юсупов и неизвестный мне человек, одетый в китель защитного цвета, с погонами действительного статского советника, с небольшой русой бородой и усами. Имел ли он на голове волосы или же был лысым, а также был ли он в очках или нет, – я не заметил. Этот неизвестный обратился ко мне с вопросами: „Ты человек православный?“ „Так точно“, – ответил я. „Русский ты человек?“ „Так точно“. „Ты меня знаешь?“ „Нет, не знаю“, – ответил я. „А про Пуришкевича слышал что-либо?“ „Слышал“. „Вот я сам и есть.

А про Распутина слышал и знаешь?“ Я заявил, что его не знаю, но слышал о нем. Неизвестный тогда сказал: „Вот он (т. е. Распутин) погиб, и если ты любишь царя и Родину, то должен об этом молчать и никому ничего не говорить“. „Слушаю“. „Теперь можешь идти“. Я повернулся и пошел на свой пост. В доме была тишина, и, кроме князя, неизвестного и Бужинского, я никого не видел»⁸⁸.

Вновь Власюк пришел на свой пост, и вновь он стоял там не более 20 минут. В это время очередной обход полицейских постов производил околотовный надзиратель Колядич. По существовавшей тогда процедуре, городской обязан был сообщить своему начальнику обо всех происшествиях на поднадзорной ему территории. После этого обычно происходила смена городских. Власюк описал околотовному надзирателю ночные события и вместе с начальником в третий раз отправился к Юсуповскому дворцу. Здесь они застали машину князя Феликса и его шофера. Искушенный Колядич решил обойти дом с заднего двора (со стороны Офицерской улицы⁸⁹) и оставил Власюка у входа. Там на территории дворца за основным зданием находится обширный сад и даже два выезда: напрямую из кованых ворот у Садового павильона и из деревянных ворот у дома 21.

Околотовный предполагал, что здесь мог находиться и еще один автомобиль, либо остались его свежие следы. Кроме того, на Офицерской был его полицейский участок.

Затем Колядич опросил дворника дома 92, обслуживающего двор, примыкавший к княжеской резиденции. Возвратившись, околотовный увидел Юсупова, садившегося в автомобиль. Затем его машина удалилась в сторону Поцелуева моста. Власюк попытался было уговорить провожавшего автомобиль Бужинского дать показания Колядичу, но княжеский дворецкий наотрез отказался, сославшись на усталость, предложив перенести допрос на завтра.

Власюк дождался Колядича у дома 92 и вновь вместе с ним двинулся к парадному входу дворца. Кроме дежурного дворника, там уже никого не было. Начальник приказал Власюку оставаться у дворца, а сам удалился.

В шесть часов утра оба уже были в 3-м участке Казанской части на докладе у пристава полковника Рогова. Власюк описал начальнику все экстраординарные события своего дежурства. Сообщение о ночном происшествии пошло по инстанции.

Затем уже пристав и городской явились к генералу Григорьеву, полицмейстеру Казанской части, и доложили о происшествии у дворца. Этого было достаточно, чтобы их начальник полностью проснулся и отдал первые распоряжения, автоматически положившие начало полицейскому дознанию.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 102. Он. 246. Д. 357. Л. 31.

⁸⁹ Теперь улица Декабристов.

В 8 часов утра в квартиру Распутина явились сотрудники МВД. Они провели опрос родственников и прислуги о месте нахождения хозяина. Не получив вразумительных ответов, стражи порядка удалились. А по Петрограду уже распространялись слухи о смерти фаворита.

В 10:00 полицмейстер Григорьев прибыл во дворец тестя Юсупова, на Мойку, 106, где жил тогда фигурант происшествия. Вот как сам Феликс описывает этот визит: «Ваше посещение, вероятно, связано с выстрелами во дворе нашего дома? – спросил я»⁹⁰.

Удивительно, но в прокурорском деле № 751 причина появления полицмейстера 2-го отделения Петроградского градоначальства генерал-майора Григорьева изложена этим свидетелем иначе: «17 декабря молодой князь Юсупов по телефону просил его заехать к нему, Юсупову, во дворец Великого князя Александра Михайловича...»⁹¹

Поэтому пересказ Юсупова выглядит для сравнения весьма противоречиво.

«– Да, я приехал, чтобы лично узнать все подробности дела. У вас не был в гостях вчера вечером Распутин?

– Распутин? Он у меня никогда не бывает, – ответил я.

– Дело в том, что выстрелы, услышанные в вашем дворе, связывают с исчезновением этого человека, и градоначальник мне приказал в кратчайший срок узнать, что произошло у вас этой ночью»⁹².

В прокурорском деле этот эпизод связан с инициативой Юсупова, которому «весьма неприятны толки об убийстве Григория Распутина в его доме, которые возникли из-за незначительного эпизода стрельбы Великого князя Дмитрия Павловича в собаку, убитую последним»⁹³.

Генерал Григорьев поблагодарил князя за его рассказ и сообщил, что все слышанное он сегодня же передаст градоначальнику Балку. К его удивлению, Феликс попросил, чтобы полицейский сообщил начальнику о желании князя встретиться с ним уже сегодня.

Эта встреча состоялась в ближайшие часы, но она ничего не прояснила, и тем не менее вот как это было со слов Феликса: «Когда я приехал к нему, то я заметил в градоначальстве большую суету. Генерал сидел в своем кабинете за письменным столом. Вид у него был озабоченный. Я сказал ему, что приехал специально для выяснения недоразумения, вызванного словами Пуришкевича»⁹⁴.

В прокурорском деле Распутина имеются показания самого градоначальника Балка об этой встрече.

Он, в частности, подтверждает, что «17 декабря к градоначальнику на квартиру приехал молодой князь Юсупов за советом, как поступить ему в создавшейся обстановке вокруг исчезновения Распутина, нахождение которого у него, князя, 17 декабря считали вероятным...»⁹⁵

В мемуарах Юсупова этот разговор превращается в драматический театр: «Недоразумение это я желал выяснить возможно скорее, потому что в тот же день вечером я собирался ехать в отпуск в Крым, где меня ожидала моя семья, и мне бы не хотелось, чтобы меня задержали в Петербурге допросами и всякими формальностями.

Градоначальник ответил, что мои показания, данные генералу Григорьеву, вполне удовлетворительны, и затруднений с моим отъездом никаких не предвидится, но он должен меня предупредить, что получил приказание от Императрицы Александры Федоровны произвести

⁹⁰ Ф. Ф. Юсупов. Конец Распутина. М., 1990. С. 104.

⁹¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 751. Л. 38.

⁹² Ф. Ф. Юсупов. Конец Распутина. М., 1990. С. 104.

⁹³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 751. Л. 38.

⁹⁴ Ф. Ф. Юсупов. Конец Распутина. М., 1990. С. 108.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 57. Д. 751. Л. 40.

обыск в нашем доме на Мойке ввиду подозрительных ночных выстрелов и толков о моей причастности к исчезновению Распутина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.